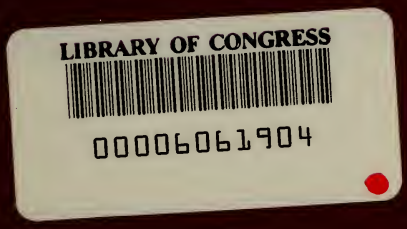
PG 3115
.R836

1861



THE LIBRARY OF CONGRESS

CYR
Russkie prostonarodny legendy

РУССКІЯ

ПРОСТОНАРОДНЫЯ

ЛЕГЕНДЫ.

(Дополненныя восмью новыми).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
—
1861.

PG 3115
.R836
1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Марта 16 дня 1861 года.

Цензоръ *Е. Волковъ*.

104837
07

88-21535

Въ типографіи Ѳ. И. Иванова.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ПАВЛУ МИХАИЛОВИЧУ

НОВОСИЛЬСКОМУ.

Въ знакъ искренной признательности

посвящаетъ разскащикъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Широка ты, велика и раздольна Русь, матушка родимая. Всѣмъ, всѣмъ ты богата, всего у тебя много, всѣмъ тебя Богъ наградилъ, не просишь ты ни у кого въ займы,—свое есть. Сколько по тебѣ раздольной Руси матушкѣ носится красныхъ разсказовъ. Часто слышатся эти разсказы въ русской закоптелой избѣ, подъ вечерокъ, съ широкой русской печи. Сѣдой дѣдушка разсказываетъ своимъ малымъ внучатамъ разныя небылицы, а тѣ, розина рты, слушаютъ и дивятся чудесамъ, про которые разсказываетъ дѣдушка. Дѣдушка, говорю я; а спросили бы меня: Многоли дискать тебѣ-то лѣтъ? Что станешъ отвѣчать, что скажешъ,

вѣдь соврать то нельзя, надо признаться, что и я дѣдушка, старъ я, больно старъ: волосы на головѣ моей бѣлы, какъ снѣгъ ранній, лице сморщено, туловище сгорбилось, ноги дрожатъ, руки трясутся,.. а все отъ старости. Эхъ старость, старость, нигдѣ не найдешъ такого человѣка, который былъ бы радъ тебѣ, дряхлой. Ну да Богъ съ тобою; отойдите отъ меня такія тяжелыя мысли, нужно о дѣлѣ разсказывать, нужно переговаривать чужія рѣчи слышанныя, дайко и я взлезу на печь и начну семерымъ своимъ внучатамъ разсказывать: они тоже разинутъ рты, какъ и чужія внучата отъ разсказовъ своего дѣдушки, а много я видалъ такихъ и внучатъ, и дѣдушекъ, напорядкахъ; я измололъ таки Русь матушку, проходилъ ее родимую изъ конца въ конецъ, навидался всякихъ людей и народовъ, наслушался и этихъ разсказовъ, которые хочу сей часъ разсказать вамъ. Много ихъ я знаю, много ихъ на Руси

матушкѣ, а возьми любой изъ нихъ, хоть самой плохонькой, ужъ знаешъ, что это не правда, а слушаешъ съ радостію, потому, что каждый разсказецъ не такъ попустому выдуманъ, а непремѣнно съ пользою для человѣка, даетъ примѣромъ хотя какое ни на есть да нравоученіе. Вотъ и я начинаю разсказывать а вы слушайте да понимайте.

Разскащикъ.

Три булки.

Жилъ былъ пономарь, и былъ онъ горькій пьяница, а доходу почти ничего не имѣлъ, потому что храмъ былъ въ глухомъ и безлюдномъ мѣстѣ. Надоѣло этому пономарю сидѣть безъ денегъ. Взялъ онъ ключи, заперъ храмъ, ключи-же бросилъ въ бурьянъ и пошелъ куда глаза глядятъ. Вотъ идетъ онъ путемъ и дорогою, да думаетъ, куда ему лучше идти? только вдругъ и слышитъ, что кто то тихонько, ударилъ его по плечу рукою. Пономарь оглянулся и видитъ, что сзади его стоитъ старичекъ сѣдинькой и говоритъ: «Послушай добрый человѣкъ, скажи мнѣ куда ты идешъ?

— Да и самъ не знаю, иду куда глаза глядятъ былъ я въ пономаряхъ, да наскучило жить мнѣ, доходу ничего нѣтъ, такъ вотъ я бросилъ запер-

тый храмъ и пошелъ куда глаза глядятъ, не раздобудусь-ли гдѣ деньгами. «Пойдемъ со мною вмѣстѣ я тоже иду, куда глаза глядятъ, куда вѣтеръ понесетъ.

— Пожалуй пойдемъ, ты отъ меня моего хлѣба не отобьешъ. Вотъ они и пошли, шли, шли и подошли къ рѣкѣ, а ужъ начинало меркнуть на небѣ, вотъ старикъ и говоритъ пономарю: «Будетъ сего дня идти, пойдемъ завтра съ утра, а теперь вотъ сядемъ на бережку, у меня есть три булки; по одной мы съѣдимъ сегодня, а одну оставимъ на завтра; на вотъ тебѣ одну булку, а вотъ другую мнѣ, а третью завтра съѣдимъ. Вотъ сѣли они на берегъ рѣки, поѣли булокъ, да и легли спать; старикъ скоро заснулъ, а пономарю не спалось, онъ вертѣлся, вертѣлся, нѣтъ, не спится ему. вотъ и пошелъ онъ прогуляться. Гулялъ, гулялъ, старикъ спитъ, будить его еще рано, а ѣсть ему хочется. Вотъ онъ походилъ, походилъ, подумалъ, подумалъ, да потомъ и подошелъ къ старику видитъ, что старикъ спитъ крѣпко, взялъ третью булку, да и съѣлъ. Потомъ и легъ спать, какъ будто ничего не знаетъ. Старикъ проснулся, и сталъ его будить. Пономарь всталъ и пошелъ умываться вмѣстѣ со старичкомъ къ рѣкѣ. Тогда ему старичекъ и говоритъ: «Ну, мы теперь раздѣлимъ съ

тобою булку, которая осталась, поѣдимъ да и опять въ путь; намъ надо будетъ эту рѣку переходить. Поѣдимъ пожалуй, говоритъ старичку пономарь, а самъ думаетъ, хватился ужъ, я давно булку то и одинъ съѣсть успѣлъ. Вотъ старикъ и сталъ искать булку, гдѣ же булка, ты бралъ? Нѣтъ, не бралъ. Такъ гдѣже она? Незнаю, ей Богу незнаю. Смотри, бралъ, больше дѣтся некуда? Да вѣть я же говорю, что не бралъ. Бралъ, смотри, признайся, все вѣдь равно ужъ. Да говорятъ, что небралъ и божусь тебѣ, что небралъ, ну, говоритъ старичекъ, небралъ, такъ небралъ; пойдемъ въ путь, иди за мной черезъ эту рѣку, она не глубока кажись, вотъ старичекъ и пошелъ, а за нимъ и пономарь, а какъ стало мѣсто глубокое, тогда старичекъ и поплылъ и пономарь поплылъ; только онъ плавалъ худо, доплылъ до середины и сталъ тонуть, тутъ онъ испугался и закричалъ старичьку: спаси меня, тону! Старичекъ подплылъ къ нему и говоритъ: если хочешъ, чтобъ я тебя спасъ отъ смерти, то скажи теперь, откройся, вѣдь ты сѣлъ третью булку. Неѣлъ, право неѣлъ, и пономарь сталъ клясться. Ну, ну ладно не клянись, сказалъ старичекъ и вытащилъ пономаря на берегъ. Посидѣли они немного на берегу и пошли въ дорогу. Шли, шли, ужъ ночь стала становится и приходятъ

они въ городъ. Походили по городу, попросились кое гдѣ ночевать, никто ихъ не пускаетъ и приходятъ они къ одному дому, постучались, ночевать попросились, ихъ и впустили. Хозяинъ дома былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и дѣлалъ драгоцѣнные запястья царской дочерѣ къ ея свадьбѣ. Вотъ наши путники переночевали, а утромъ поблагодарили хозяина и пошли опять въ дорогу. Только они отошли нѣсколько отъ дома, какъ вдругъ бѣжитъ хозяинъ, схватилъ ихъ и закричалъ «стража.» Стража подошла, тогда хозяинъ объявилъ, что они у него сегодня начевали и украли запястье, которое онъ дѣлалъ царской дочерѣ. Стража тотчасъ обыскала пономаря и нашли у него въ сапогѣ запястье. Пономарь и клялся и отговаривался всячески, что онъ небралъ запястья и незнаетъ, какъ оно къ нему въ сапогъ попало, его не стали слушать и повели въ темницу, а старичька отпустили. Скоро узналъ самъ царь, что было украли запястье его дочери и приказалъ вора на огнѣ сжечь. Пономарь сидитъ въ темницѣ и горько плачетъ, что пропадаетъ за напрасно, а ему осталось жить только три часа. Вдругъ, темница отворилась и къ пономарю пришелъ старичекъ, его спутникъ. Послушай, сказалъ старичекъ, тебѣ не долго жить осталось, признайся мнѣ съѣлъ третью булку!

Отойди ты отъ меня съ твоей булкой, не ужели ты думаешъ, что я бы тебѣ давно неска-залъ что я съѣлъ. Послушай, сказалъ старичекъ, булкѣ дѣться больше было некуды, если бы ты не взялъ; ты только признаться не хочешъ, а если ты признаешся то я тебя отъ смерти избавлю. Избавь меня отъ смерти, будь отецъ родной, я за-даромъ пропадаю, такъ сталъ пономарь молиться старичьку. Ладно, изволь, сказалъ старичекъ, толь-ко признайся, съѣлъ вѣдь третью булку? Ахъ ка-кой ты, клянусь тебѣ, что я неѣлъ. Ну, ну ладно неклянись, сказалъ старичекъ, пойдемъ вонъ; ста-ричекъ взялъ пономаря за руку и вышелъ съ нимъ изъ темницы. Вотъ идутъ они путемъ до-рогою и приходятъ въ другое царство, было уже ночное время, постучались они къ хижинкѣ, по-просились на ночлегъ, старушеночка старенькая впустила ихъ, накормила, и стала разсказывать, что у ихъ царя дочь нездорова, всякія доктора и лечить отказались и царь сулитъ тому кто ее вылечитъ половину своего царства. Вотъ наши путешественники выслушали старуху, да и спать полегли, а утромъ встали, поблагодарили старушку и пошли вонъ. Старичекъ и говоритъ пономарю: пойдемъ возмемся у царя дочь лечить полцарства получимъ. Да какъ же мы возмемся, вѣдь я по-

номарь а не знахарь какой, вотъ развѣ ты можешъ, такъ другое дѣло? Могу, ладно, говоритъ старичекъ, пойдемъ. Вотъ приходятъ они къ царю и объявляютъ, что берутся его дочь отъ болѣзни излечить. Царь обрадовался, повелъ ихъ къ дочери, та лежитъ какъ мертвая, старичекъ посмотрѣлъ на нее и говоритъ: царь, намъ нужно съ нею однимъ остаться. Царь ушелъ а старичекъ вынулъ изъ кармана ножикъ и отрезалъ голову царской дочерѣ, потомъ и всю ее разрѣзалъ. Пономарь смотрѣлъ, смотрѣлъ, да какъ пустился бѣжать, а старичекъ его и удержалъ: нѣтъ, говоритъ, не бѣги, а подожди, что дальше будетъ. Потомъ, взялъ онъ, собралъ всѣ кусочьки, перемылъ, сложилъ какъ слѣдуетъ, дунулъ и царица встала совсѣмъ здоровою; пономарь чуть плясать не пустился съ радости. Старичекъ взялъ царицу подъ руку и повелъ къ царю. Царь обрадовался, поцѣловалъ старичка и говоритъ: проси чего хочешъ. Вотъ старичекъ и говоритъ, дай ты мнѣ царь три мѣшка съ золотомъ, и чтобы во всѣхъ ихъ поровну было положено. Царь сейчасъ велѣлъ дать золото и отпустить съ честію лекарей. Вотъ старичекъ и далъ всѣ три мѣшка съ золотомъ нести пономарю и приходятъ они къ той самой рѣкѣ и къ тому самому берегу на которомъ пономарь третью бул-

ку съѣлъ. Тутъ и говоритъ старичекъ: садись будемъ золото дѣлить. Вотъ видишъ ли этотъ мѣшокъ мнѣ, этотъ мѣшокъ тебѣ, а этотъ мѣшокъ тому, кто третью булку съѣлъ. Разбѣжались у пономаря глаза, повалился онъ старичьку въ ноги, батюшка, отецъ родной признаюсь, тебѣ я, съѣлъ третью булку. Тогда старичекъ и сказалъ ему ладно, прощаю тебѣ, ступай настарое свое мѣсто, гдѣ ты преждѣ служилъ, и служи у храма, а всѣ три мѣшка возми себѣ, съ ними можешъ жить и безъ доходу, да поминай меня. Тутъ старичекъ пропалъ, а пономарь пошелъ на старое мѣсто и уже никому не жаловался, что доходу нѣтъ, даже и вино пить пересталъ.

Завистливый.

Жила была старуха, съ двумя сыновьями, и жили онѣ всѣ бѣдно пребѣдно, такъ, что часто и безъ хлѣба сидѣли. Старуха мать все плакала да охала, да потомъ вдругъ сдѣлалась больна, да въ посту и померла. Дѣти повыли, повыли, потомъ потише стали выть, потомъ еще тише, а потомъ и совсѣмъ перестали и пошли мать хоронить. Пришли на погостъ, вырыли могилу, да й хотѣли въ нее мать класть. Какъ вдругъ старшій братъ и увидалъ въ могилѣ. Котелъ съ деньгами. Вотъ онъ сказалъ младшему, вынули они вмѣстѣ котелъ, похоронили мать, да и пошли домой, денги щитать. А какъ щитать? незнаютъ, пошгучкѣ сбиваются, а мѣрочки нѣтъ. Вотъ старшій братъ и надумалъ: подико, говоритъ брату, къ нашему сосѣду, да попроси мѣрочки. Вотъ и пошелъ братъ младшій къ сосѣду; приходитъ и говоритъ: дядюшка, дай мѣрочки. Сосѣдъ зналъ, что они бѣдныя, что имъ мѣрять нечего и спрашиваетъ: а зачѣмъ тѣ мѣрка? да мы, съ братомъ, кладъ нашли, такъ мѣрить

хотимъ, сколько денегъ, а такъ несочтешъ. Сосѣдъ далъ мѣрочьку, а былъ онъ куда завидливъ. И когда ушелъ младшій братъ съ мѣркою, онъ и давай думать какъ бы ему эти деньги у нихъ отнять, да себѣ присвоить. Вотъ думалъ, думалъ онъ, да и придумалъ, что дѣлать нужно. Взялъ своего козла, зарѣзалъ его, снялъ съ него шкуру, совсѣмъ и съ рогами, и съ хвостомъ а какъ пришла ночь, надѣлъ онъ на себя шкуру, да и пошелъ къ двумъ братьямъ, которые кладъ нашли. Вотъ приходитъ онъ къ ихъ избушкѣ, стучится: тукъ-тукъ тукъ, а въизбѣ и спрашиваютъ его братья: кто тутъ, зачѣмъ? Чортъ пришелъ за своимъ кладомъ, говоритъ братьямъ сосѣдъ! Братья поглядѣли въ окно и видятъ, что стоитъ чортъ съ рогами, схватили котелокъ съ деньгами да и кинули его за двери. Вотъ тутъ-то сосѣдъ обрадовался, схватилъ котелъ съ деньгами, да и домой. Пришелъ онъ домой, отъ радости шкуру то снять позабылъ, высыпалъ всѣ деньги на столъ, да и давай ихъ щитать. Позабылъ про свой нарядъ и сидитъ какъ чортъ. Вдругъ приходитъ къ нему его жена ужинать звать, затѣмъ, что онъ изъ дома ушелъ безъ ужина. Только встала она на порогъ испугалась, видя что сидитъ чортъ, да такой страшный, упала и померла, не вымолвивъ слова. Мужъ тоже испу-

гался, а догадаться не можетъ, чего жена его испугалась, да ужъ тогда догадался когда о перегородку рогомъ задѣлъ, вотъ онъ сейчасъ и давай съ себя козлячью шкуру снимать, а она не тутъ-то было нейдетъ прочь приросла, рога тоже нейдутъ прочь, приросли, схватилъ онъ топоръ, чтобы срубить рога и этого нельзя сдѣлать больно. Бился бился, да такъ навсегда и остался съ рогами.

Благочестивая жена.

Въ одномъ селеніи жили три брата, очень бѣдные, одинъ изъ братьевъ любилъ очень лошадей и всегда говорилъ: если-бы мнѣ Богъ далъ такое богатство, что-бы я могъ много лошадей купить, то я-бы всѣхъ нищихъ, которые уменя попросились, всѣхъ бы возилъ, хоть сколько ни наесть верстъ. А средній братъ говорилъ: если-бы мнѣ Богъ послалъ много денегъ, то я всѣмъ-бы бѣднымъ помогалъ, никогда-бы не отказывалъ. А третій братъ говорилъ: я не по прошу у Бога ни лошадей ни денегъ а если-бы мнѣ Богъ далъ жену благочестивую, то я всѣхъ бы бѣдныхъ принималъ къ себѣ и дѣлился бы съ ними, что Богъ послалъ-бы. Вотъ Богъ и услыхалъ желаніе братьевъ и скоро исполнилъ. Старшій братъ разбогатѣвъ, завелъ конный заводъ; средній братъ разбогатѣвъ, сдѣлался купцомъ, а третій женился на бѣдной сиротинкѣ. Живутъ всѣ три брата, да поживаютъ. Старшіе двое построили себѣ хоромы, а младшій, по своей бѣдности, остался въ

старой избенкѣ. Живетъ онъ съ женою мирно, да счастливо, да благодаритъ Бога. Въ одно время къ старшему брату и пришли два старичка и стали просить его: сдѣлай милость добрый человѣкъ, пожалѣй насъ старичковъ убогихъ, довези насъ до города? Нѣту, нѣту, много васъ здѣсь ходитъ, всѣхъ довозить, такъ и лошадей у меня нестанетъ. Но старички давай опять его просить, довези, ради Христа. Вотъ богатый старшій братъ и говоритъ работнику: возьми, говоритъ, лошадь ту, на которой воду возилъ, да довези этихъ стариковъ куда имъ надобно отвяжись отъ нихъ. Старички сѣли и поѣхали, отъѣхали они не далеко и говорятъ работнику, ступай ты съ Богомъ, назадъ, тутъ мы и сами дойдемъ. Сошли они съ тѣлеги и пошли по дорогѣ. Шли, шли эти старички, пришли къ дому средняго брата и видятъ, что онъ золото щитаетъ одинъ старичекъ и говоритъ: подай Христа ради, добрый человѣкъ. Много васъ тутъ нищихъ ходитъ, всѣмъ не наподаешся, ступайте дальше. Подай батюшка, во имя Христово, говорятъ старички. Экія надоѣдливыя натѣ возмите, говоритъ богачь и бросилъ старичкамъ гривну. Старички взяли гривну и пошли дальше. Вотъ приходятъ они къ младшему брату, а его не было дома, была одна жена. Впусти матушка ночевать насъ, говорятъ

старички. Благочестивая жена впустила старичковъ, напоила, накормила и постѣль послала имъ на печкѣ, старички и пошли спать. Пришелъ мужъ, благочестивая жена и говоритъ ему: у меня два прохожихъ старичка въ гостяхъ. Мужъ былъ радъ гостямъ и спрашиваетъ жену: кормила ли она прохожихъ? Кормила, говоритъ жена. Ну! спасибо тебѣ давай и мнѣ ѣсть а я пойду прохожихъ позову. Вотъ подошелъ младшій братъ къ старичкамъ, кланялся имъ и просилъ ихъ садиться съ нимъ поужинать. Старичьки сѣли по ужинали, потомъ легли спать, а утромъ и говорятъ женѣ и мужу: завтра приходите къ намъ въ гости, мы за вами тѣлегу съ лошадью пришлемъ. Простились съ мужемъ и женою, и пошли въ дорогу. Когда ушли старички тогда мужъ и говоритъ женѣ: пойдемъ въ гости къ старичкамъ. Нѣтъ, говоритъ жена, ступай ты одинъ, а я дома останусь. На другое утро мужъ увидалъ у своей избы запряженную въ тѣлегу лошадь и въ тѣлегѣ записка и написано, что лошадь сама привезетъ его. И точно мужъ сѣлъ, и скоро подъѣхалъ къ каменнымъ палатамъ, и его у нихъ встрѣтили тѣ два старичка, которые у него ночевали. Старички ввели гостя въ домъ, напоили, накормили его, и говорятъ ему: будь ты сегодня хозяиномъ въ нашемъ домѣ, а мы ненадолго отлу-

чимся изъ дома. Вотъ тебѣ возьми три ключа, можешъ двумя ключами отпереть двѣ комнаты, а третью неотпирай. Отдавши ключи старички простились съ нимъ и пошли. Тогда мужъ взялъ одинъ ключь, отперъ одну комнату и увидалъ тамъ котелъ съ смолою, а въ смолѣ сидитъ его старшій братъ и лошади ему плечи и голову зубами рвутъ. Онъ не могъ смотрѣть на мученіе брата, заперъ дверь и пошелъ въ другую комнату. Въ этой комнатѣ онъ увидалъ средняго своего брата, тотъ тоже сидѣлъ въ смолѣ и нѣсколько мѣшковъ съ золотомъ ему были повѣшены на голову и гнули его къ землѣ. Онъ немогъ смотрѣть на мученіе и этого брата; заперъ дверь и пошелъ прочь; но ему хотѣлось посмотрѣть въ третію комнату что тамъ такое, а нехотѣлось старичковъ ослушаться; но немогъ онъ утерпѣть, думаетъ самъ просебя; посмотрю я въ третью комнату; признаюсь старичкамъ что согрѣшилъ *авось они* простятъ. Взялъ онъ третій ключъ и отперъ третію комнату. Тутъ онъ увидалъ, что въ мѣсто комнаты прекрасный садъ, въ которомъ ходитъ его жена и кормитъ птичекъ. Тогда онъ хотѣлъ подойти къ ней но она говоритъ ему: нѣтъ, ты неосмѣлься входить сюда спросись сперва устаричковъ, если они тебѣ позволятъ, тогда ты можешъ войти. Вотъ

онъ заперъ комнатку и пошелъ дожидать старичковъ. Пришли старички. Ну что, спрашиваютъ они: ходилъ подвумъ комнатамъ, видалъ братьевъ? Видалъ. Вотъ, говорятъ старички, это братья твои заслужили: старшій братъ, когда просилъ у Бога богатства, то обѣщалъ незабывать бѣдныхъ людей, возить отъ города, до города убогую нищую братію, а какъ сталъ богатъ, такъ нищую братію и забылъ и отъ воротъ гонитъ, вотъ за это и онъ то получитъ, другой же братъ твой просилъ у Бога богатства обѣщалъ подавать нищимъ: то же забылъ, что обѣщалъ, тоже приказывалъ отгонять нищихъ отъ своего дома, и ему за это тоже. Но теперь, спросили старички, скажи ты намъ былъли ты въ третьей комнатѣ. Не смѣя лгать предъ старичками повалился имъ онъ въ ноги и говоритъ; виноватъ, былъ. Тутъ и сказали старички если-бы ты неослушался насъ, то и ты-бы былъ тамъ, гдѣ твоя жена будетъ, а за то, что ты ослушался, поди и дѣлай добро, тогда и ты тамъ будешъ. Тутъ старички и пропали. Мужъ взглянулъ, гдѣ онъ и увидалъ, что онъ дома, подлѣ своей жены.

—

Купцово счастіе.

Жилъ былъ одинъ богатый купецъ, у котораго былъ пивоварный заводъ, купецъ этотъ былъ женатъ и имѣлъ дочь. Въ одно время попросились къ нему ночевать три старичка, купецъ ихъ впустилъ и положилъ спать близь себя, только посреди ночи и слышитъ ихъ, разговариваютъ эти старички, одинъ изъ нихъ и спрашиваетъ другаго: скажи мнѣ, какое ты дашъ счастіе тому ребенку, который родился въ сію минуту въ такой то деревнѣ у такого то крестьянина. Дамъ я ему, отвѣчаетъ старичекъ, счастіе этаго купца, у котораго мы сего дня ночуемъ. Тутъ старички говорить перестали, поднялись съ постели и пошли вонъ изъ дому. Купецъ слыхалъ что говорили старички и говоритъ самъ себѣ: нѣтъ этому небывать, чтобы этотъ крестьянскій мальчикъ владѣлъ моимъ имѣніемъ. На другой день этотъ купецъ отправился къ тому крестьянину у котораго родился мальчикъ, а крестьянинъ и радъ купцу, сталъ просить его въ отцы крестныя, купецъ согласился

да послѣ крестинъ и говоритъ крестьянину: куда тебѣ бѣдному самому воспитывать ребенка, отдай его мнѣ, я богатъ, онъ у меня будетъ хорошо жить. Подумалъ, подумалъ крестьянинъ съ своею женою да и отдалъ ребенка купцу. Вотъ купецъ взялъ ребенка да и поѣхалъ домой, это дѣло было зимою, проѣзжаетъ купецъ мимо лѣса, взялъ онъ ребеночька да и бросилъ въ лѣсу, въ снѣгъ, а самъ и поѣхалъ домой думая, что сгубилъ ребенка а пришлось не такъ, прикащикъ этого купца ѣхалъ съ зади этою же дорогою и видитъ при солнышкѣ лежитъ ребенокъ въ снѣгу, прикащикъ взялъ ребеночька и привезъ домой къ своей женѣ, отъ которой дѣтей у его еще не было, привезъ онъ домой ребенка да и оставилъ жить у себя. Такъ этотъ ребенокъ — мальчикъ и остался жить, и прожилъ онъ лѣтъ пять. Только въ одно время и вздумалось купцу хозяину побывать въ домѣ своего прикащика, приходитъ онъ къ нему да и увидалъ у его мальчика и спрашиваетъ? Откуда, говоритъ, у тебя этотъ мальчикъ взялся? Прикащикъ тотчасъ разсказалъ откудова онъ и когда нашелъ этаго мальчика. Купецъ и догадался, что это мальчикъ тотъ самый; вотъ онъ и говоритъ прикащику, отдай пожалуста мнѣ этаго мальчика, я его буду самъ воспи-

тывать. Прикащикъ подумалъ, подумалъ да и отдалъ купцу мальчика. Вотъ, тотъ взялъ ребенка съ собою, потомъ закупорилъ его въ бочьку и пустилъ наводу, чтобы онъ пропалъ безъ вѣсти. Бочька эта плавала, плавала по морю и пристала къ одному женскому монастырю. Въ это время нѣсколько монашенокъ пришли на плотъ брать воду, увидали бочьку и стали ее отталкивать отъ плота но она все пристаетъ, тогда они пошли къ игумени, та приказала, бывшимъ рабочимъ при монастырѣ, взять бочьку и сколотить съ ее обручи. Тотчасъ тѣ достали бочьку и когда стали снимать обручи, то младенецъ закричалъ, тогда настоятельница велѣла снимать обручи тише и когда ихъ сняли то всѣ удивились видя младенца. Настоятельница взяла этаго мальчика себѣ и отдала его воспитывать женѣ сторожа. Прошло нѣсколько лѣтъ, мальчикъ сталъ уже большой, лѣтъ этакъ семнадцать или болѣе. Въ одно время, ѣздилъ по ярмаркамъ тотъ самой купецъ, пріѣхалъ въ этотъ монастырь и увидалъ въ немъ этаго мальчика. Купецъ узналъ его, пришелъ къ настоятельницѣ и сталъ просить у ее этаго мальчика, вамъ, говоритъ онъ, въ монастырѣ не прилично держать такого ужъ большаго мальчика, отдайте его мнѣ, я его на своемъ заводѣ сдѣлаю

прикащикомъ. Настоятельница согласилась. Вотъ купецъ и велѣлъ своему мужику ѣхать съ этимъ мальчикомъ домой и отдать женѣ письмо, въ которомъ написалъ, чтобы жена, какъ пріѣдетъ этотъ мальчикъ, приказали работникамъ его убить, а самъ, купецъ поѣхалъ на другія ярмарки. Вотъ ѣдетъ мальчикъ съ мужикомъ дорогою и попадаются имъ три старичка, старички стали ихъ спрашивать куда они ѣдутъ, и откудова а какъ тѣ разсказали, тогда старички и пристали къ мужику: покажи письмо да покажи, вотъ мужикъ имъ и показалъ, повѣртели они письмо въ рукахъ отдали его назадъ да и попрощались. Пріѣхалъ мужикъ съ мальчикомъ въ домъ хозяина. Отдалъ мужикъ письмо хозяйкѣ, та прочитала велѣла ему на завсдъ идти а молодому человѣку и говоритъ, мужъ мой въ письмѣ пишетъ, что-бы не дожидать его скоро съ ярмарки, а тебя женить на нашей дочери и отдать въ твое распоряженіе заводъ. Чрезъ нѣсколько времени его женили, и онъ сталъ смотрѣть за заводомъ. Въ одно время пріѣхалъ хозяинъ сталъ спрашивать жену, исполнила ли она его волю, что онъ въ письмѣ писалъ, та ему, все и разсказала. Купецъ на это нисказалъ нислова а подумалъ самъ просебя, дѣлать нечего, ошибки не поправишь а я все таки сдѣлаю по своему; вотъ

пріѣхалъ онъ на заводъ и говоритъ мужикамъ рабочимъ, когда придетъ мой зять, то возмите его и бросьте въ бочьку съ горячей смолою, давъ такое приказаніе, онъ уѣхалъ домой и говоритъ своему зятю, поѣзжай ты сегодня на заводъ да посмотри тамъ какъ дѣла идутъ, зять отвѣчалъ: слушаю батюшка и хотѣлъ было одѣваться, но жена его позвала его въ другія покои и говоритъ ему, у меня сердце болитъ, не быть бы бѣдѣ, не ѣзди на заводъ, останься дома а я скажу про тебя отцу, что ты ужъ уѣхалъ. Мужъ согласился а она пошла къ отцу и сказала про его, что онъ ужъ отправился на заводъ. Прошло часа четыре послѣ, того времени. Купца такъ и подмываетъ, пойду на заводъ да пойду посмотрю сварился ли зять, вотъ онъ одѣлся да и поѣхалъ, пріѣзжаетъ онъ на заводъ видитъ смола кипитъ а рабочіе все спятъ. Ну, думаетъ купецъ, избавился я отъ своего зятя вѣрно они его сварили да и спать по легли, дайко и я усну покуда они не пробудятся, вотъ онъ легъ на лавку да и заснулъ, только одинъ работникъ проснулся, видитъ что спитъ человѣкъ, въ темнотѣ то онъ не узналъ хозяина, думалъ, что зять хозяйскій, тотчасъ тихонько разбудилъ своихъ товарищей, подошли они тихонько къ купцу, который спалъ, крѣпко схватили его да и бросили

въ котелъ съ смолою, въ которомъ онъ и сварился а зять получилъ по словамъ старичковъ его счастіе.

—

Что Богъ назначитъ то и будетъ.

Въ одной деревнѣ жилъ мужъ съ женою и родился у ихъ сынъ, мужикъ жилъ бѣдно, не зналъ какъ и ребенка окрестить, не копѣйки денегъ нѣту да и кума взять негдѣ, къ бѣдному никто нейдетъ, никто не хочетъ окрестить ребенка. Только вдругъ ночью и постучался къ мужику прохожій солдатъ, въ отпускъ шелъ, мужикъ и радъ дорогому гостю, принялъ его и сталъ въ кумовья просить, солдатъ согласился, вотъ поужинали всѣ да и залегли спать до утра, только и слышитъ солдатъ ночью, что кто то разговариваетъ, поднялъ онъ голову и видитъ ангела и бѣса, стоятъ они да спорятъ, этотъ ребенокъ, говоритъ ангелъ, потонетъ, а бѣсъ и говоритъ, нѣтъ не потонетъ, а удавится или зарѣжется, а ангелъ опять говоритъ потонетъ, по спорили, по спорили да и ушли. Утромъ проснулся солдатъ да и разсказалъ крестьянину, что слышалъ, что Богъ дастъ то и будетъ, говоритъ крестьянинъ. Вотъ окрестили ребенка, солдатъ простился съ крестьяниномъ и пошелъ

дальше. У крестьянина былъ надворѣ колодезь, взялъ онъ его для безопасности и заколотилъ, Мальчикъ подросъ, сталъ играть, ходить и все игралъ на этомъ колодцѣ, въ одно время доска на-колодцѣ обломилась и мальчикъ упалъ въ колодезь.

Кумова постеля.

Давно, когда еще и моей прабабушки на свѣтѣ небыло, въ мѣстахъ невѣдомыхъ гдѣ-то, по среди густаго лѣса стояла избушка дровосѣка, дровосѣкъ жилъ съ женою а дѣтей у нихъ небыло, да небольно хотѣлось имъ ихъ имѣть-то, однимъ жить спокойнѣе но случилось не такъ какъ имъ хотѣлось и думалось, жена сдѣлалась беременою а мужъ, бродя полѣсу, наткнулся въ расплохъ на огромнаго медвѣдя а вѣдь эти чертовы дѣти медвѣди не долго разсуждаютъ, косолапый облапилъ дровосѣка, подмялъ его подъ себя и пикнуть ему не далъ, съ разу ему жизнь прикончилъ. Жена незнаетъ, что надъ ее мужинькомъ стряслась такая бѣдовая оказія, сидитъ да поджидаетъ муженька а сердечько такъ въ груди и занываетъ, такъ и поговариваетъ, такъ и шепчетъ ей на ухо, плачь скорѣе, плачь безталанная, горѣмычная мнѣ легче будетъ. Долго ждала жена мужа, думала раздумывала о немъ разныя разности, что онъ не въ городъ-

ли ушелъ да тамъ напился у свата Ѳаддея а за нимъ такой грѣшокъ водился частенько, онъ бывалъ пьяненекъ и напорядкахъ. Такъ-то вотъ думая, жена прождала мужа цѣлую ночь и утро прошло, и полдень насталъ а его нѣту, соскучась сидѣть въ избѣ, жена вышла въ лѣсъ, прошла немного полѣсу да какъ вдругъ ахнетъ, крикнетъ отъ страху, видитъ человѣка убитаго, валяется онъ подъ деревомъ и лица то на немъ не видно, такъ сердечный изуродованъ только по одежѣ догадалась она что это былъ ея мужъ. Повыла, повыла она надъ убитымъ, да не вѣчно-же выть такъ и она сдѣлала, выть перестала, вырыла для его могилу, да и похоронила, но и послѣ похоронъ она всетаки еще не совсемъ оставила плакать, проплакала еще нѣсколько времени а время все подвигалось впередъ, наконецъ до того подвинулось что вдовѣ мочушки не стало, пришла пора родить, но и тутъ бѣда и тутъ напасть не можетъ опростаться, да и только три дни крикомъ прокричала а кто услышитъ ее крикъ въ такомъ дремучемъ лѣсу въ немъ людей-то почитай никогда не бываетъ и не проходятъ по лѣсу, а звѣри хоть и шляются да имъ то какое дѣло до чужаго крику, они и сами ревутъ нехуже если не лучше не громчее. Такъ она бѣдная маялась, маялась а

все лучше нѣтъ, вотъ и четвертый день ужъ на исходѣ, бабки нѣтъ а къ ней небѣжать же–стать самой, когда она съ постели встать не можетъ, болѣзнь ее притиснула шибко, да потомъ какъ вдругъ прихватитъ еще сильнее, еще шибче, такъ у ней и глаза подъ лобъ подкатились. Невзвидѣла она земли и неба, оно ей въ овчинку показалось, не вытерпѣла она и вскричала, хоть-бы чортъ пришелъ помочь мнѣ, извѣстно дѣло, она вскричала это съ дуру, да и то сказать человѣкъ до того грѣшенъ, что онъ всегда луканьку–то у себя на языкѣ держитъ. А онъ окаянный какъ его кликнутъ куда услужливъ, тотчасъ явится, вотъ онъ и тутъ появился проклятый, быстрѣе мысли, да какъ еще принарядился окаюга скверная, что не только, узнать такъ, и подумать невозможно, что это сила окаянная такъ разрядился, пришелъ онъ къ вдовѣ въ образѣ женщины, бабки, да не простой а стомяной, въ чепчикѣ, съ разными разностями, разряженъ такъ, что куда тебѣ, и какъ только вступилъ на порогъ, такъ больной и легче стало, она тутъ скоро и родила, тогда окаянный подошелъ къ ней, и говоритъ: послушай хоть услуга моя малая но я всетаки даромъ никому ничего не дѣлаю и потому, что мала моя услуга, то оставляю у тебя твоего ребенка до двадцати лѣтняго возраста по-

томъ я приду за нимъ потому, что онъ мой. Такъ вотъ эти слова проговорилъ духъ лукавый, да и пропалъ, а куда ужъ онъ пропалъ въ минуточку, этого не извѣстно, можетъ и въ печь вошелъ дымомъ, да въ трубу и улизнулъ, вѣдь для бѣса это пустячки, онъ и не такія еще фокусничества выкидываетъ. Вотъ живетъ вдова, поживаетъ безъ мужа не горько, не сладко, а такъ себѣ, середка на половинѣ, а время катится, быстро летятъ дни, а въ слѣдъ за днями, недѣли, мѣсяцы и годы бѣжатъ скорехонько. Скорехонько прошло такъ лѣтъ и много, выросъ ребеночекъ вдовы; да я и запамятовалъ, ребеночекъ то какой былъ и не сказалъ, вѣдь можетъ быть и дѣвочкой и мальчикомъ, такъ вотъ я теперь и говорю вамъ, онъ былъ мальчишечка и отъ времени сдѣлался порядочнымъ мальчугою; лѣтъ ему набѣжало съ семнадцать, а какой былъ онъ прилежный учиться разнымъ разностямъ, всѣму его мать учила и грамотѣ, потому что немного сама мароковала, и богу молиться научила, и всякимъ домашнимъ приличествамъ, и покорности къ родительницѣ, и работѣ въ лѣсу, чѣмъ можно бы было и себя и мать кормить, а онъ все это понялъ хорошо, все исполнялъ точно; то есть такого сына почтительнаго, да хорошаго пожелалъ-бы всякой крещенной имѣть у себя и благодарилъ-бы Бога, что

онъ далъ ему такую милость. Вдова радовалась и благодарила Бога, глядитъ она на своего сына милаго, любуется, радуется не на радуется, а какъ придетъ ей на память, что чрезъ три годочька должна она будетъ съ нимъ проститься, отпустить его, отпустить-бы это ничего, да вѣдь отпустить-то куды, въ когти лукаваго. Какъ это ей придетъ на умъ, такъ она и всплеснетъ руками и зальется, завопитъ, заголоситъ, начнетъ причитать; а слезы какъ ручей изъ глазъ такъ и польются. Частенько это случалось, частенько замѣчалъ и сынъ, что мать невѣсть съ чего плачетъ, невѣсть съ чего вдругъ заголоситъ, завопитъ, упадетъ на столъ да такъ и лежитъ какъ мертвая, а иную пору и наполъ упадетъ, голову ушибетъ и лежитъ какъ мертвая, сыну ужъ водой разъ десять приходилось ее отпаивать.

Въ одинъ вечеръ, сынъ сидѣлъ съ матерью за ужиномъ, похлѣбалъ онъ немножко щецъ да вѣрно не хотѣлъ болѣе, что ложку на столъ положилъ, не ѣстъ, подперъ голову руками да и поглядываетъ на мать.

— Что-же дитятко мое милое не похлѣбаешь еще щей-то?

— Да не хочется матушка!

— Похлѣбай родимый мой, голубочикъ, ска-

зала мать; тутъ ей и пала на память та бѣда, что она не долго будетъ смотрѣть на своего сыночька, любоваться имъ: уйдетъ онъ и ее уже горемычную и матушкой называть будетъ некому, подумала она это, да и заплакала горько, горько.

— Что ты матушка все плачешь, какая у тебя бѣда есть и за чѣмъ ты мнѣ ее сказать не хочешь?

— Хочется мое дитятко милое, хочется сказать тебѣ, да языкъ не ворочается, къ горлу прилипаетъ, не выговоришь, страшно, и она еще больше залилась слезами.

— Что родимушка, страшно?... говори не бойсь.

— Долго плакала да вопила мать, да вздыхала, наконецъ и раскрыла сыну такую бѣду свою, страшное свое горѣ: какъ она бѣса призвала, что онъ сказалъ и потомъ, всхлипывая, проговорила: —Ненаглядный ты мой, не будетъ скоро у меня тебя яснаго сокола, не увижу я тебя больше, и опять завыла.

Сынъ задумался, опустилъ голову, потомъ поднялъ ее, вытеръ рукавомъ слезы и сказалъ: «Матушка перестань плакать, слушай лучше меня, пойду я отъ тебя сейчасъ куда очи глядятъ, чтобы тебѣ не терзаться какъ увидишь когда бѣсъ придетъ за мною и возметъ меня; лучше, меня у тебя

на глазахъ не будетъ, думай, я померъ, или гдѣ въ монастырѣ нахожусь, и пойду въ монастырь, а туда сила лукавая пройти не посмѣетъ, благослови меня родимая въ путь дорогу. Мать послушалась сына и, видя, что онъ говоритъ дѣло, что въ монастырь сила лукавая пройти не посмѣетъ горько заплакала, благословила сына, дала ему на дорогу кой чего поѣсть и вышла провожать его. Тутъ ее сердечушко не вытерпѣло, она схватила сына, прижала къ себѣ и заплакала, разлилась какъ рѣка, насилу сынъ ужъ могъ оторваться отъ ее и пошелъ по тропинкѣ, а мать завопила и упала у избы на землю. Сынъ не огладывался.

Эхъ жаль, что я не знаю какъ звали его, а то лучше-бы было разсказывать, ну да ужъ дѣлать нечего.

Вотъ идетъ онъ тропинкою лѣсною, да и думаетъ о своей горькой участи. Вдругъ, поднялся дождь, (а сперва хороша была погода), да какой дождь,—какъ изъ ведра полилъ, пріютиться негдѣ нашему пѣшеходу, да онъ и не очень думаетъ о дождѣ, идетъ да идетъ, только вдугъ и видитъ огонекъ, онъ къ огоньку и направился, а дождь порубилъ еще сильнѣе, загремѣлъ громъ, молнія залетала, такъ вотъ и шныряетъ какъ будто сжечь хочетъ. Вотъ, идетъ нашъ путникъ къ огоньку,

не за тѣмъ, что грома да молоньи испугался, а такъ лучше извѣстно дѣло, ночевать въ теплой избѣ, чѣмъ въ дремучемъ лѣсу, да еще когда дождь какъ изъ ведра льетъ, наконецъ подходитъ онъ къ огоньку, огонекъ свѣтилъ изъ окна, а окно было въ большомъ деревянномъ домѣ, да не одно, а много оконъ, только огонекъ-то свѣтилъ въ одномъ окнѣ. Домъ этотъ стоялъ по срединѣ дремучаго лѣса, въ самомъ страшномъ мѣстѣ, куда по своей волюшкѣ ни одинъ человѣкъ не пойдетъ, а забредетъ кто нибудь нечаянно, какъ и нашъ путникъ. Вотъ подошелъ онъ къ воротамъ, попробовалъ: заперты, стукнулся въ калитку, тоже заперта, да должно быть и крѣпко, потому что онъ стукнулъ кулакомъ не тихо, подождалъ онъ немного, никого Господь не подаетъ. Вотъ онъ еще постучалъ, тоже никто не идетъ, только страшно залаяла собака, а потомъ и завыла. «На свою бы, а не на мою голову, выла бы ты окаянная, проговорилъ нашъ прохожій.» Только вдругъ слышитъ онъ, что кто-то идетъ по двору и кажись, что не мужикъ, а баба, потому что кричитъ, унимаетъ собаку, голосъ не мужичій, а бабій, наконецъ послышалось за калиткою нашему прохожему: «Кто тутъ?»

— Кормилица, проговорилъ нашъ прохожій,

укрой на темную ночь меня несчастнаго, я заблудился, впусти ради Бога.

— Эхъ родной, жаль мнѣ тебя, да и впустить то боюсь право, не знаю что мнѣ съ тобою дѣлать.

— Впусти, будь мать родная, заставь вѣчно Бога за тебя молить.

— Жаль мнѣ тебя, неча дѣлать, ступай. Вотъ, когда калитка отперлась, нашъ прохожій вошелъ, на дворъ и поклонился женщинѣ, она стояла у калитки, но заперла калитку и пошла въ сѣни, сказавъ ему: «Ступай родной за мною». Когда нашъ путникъ вошелъ въ покой, помолился иконамъ и сѣлъ на лавку, то женщина стала его разспрашивать, кто онъ такой, откуда, и куда путь держитъ? Не сталъ онъ скрываться и разсказалъ женщинѣ что ему судьбой назначено и куда онъ идетъ, та его выслушала, да и головой покачала.—Охъ ты родимой мой, горемычный, безталанный дитятко, худому съ тобой случится должно и никто тебѣ по мочь не возмется, кромѣ моего мужа, онъ страшный разбойникъ и по грѣхамъ своимъ сдѣлался другомъ и пріятелемъ самому старшему бѣсу, такимъ пріятелемъ, что тотъ его, своимъ кумомъ назвалъ, вотъ если-бы мужа попросить, да взялся-бы онъ, такъ онъ, что нибудь-бы да могъ сдѣ-

лать, а какъ попросишъ его?.. онъ эти дни все такой сердитый и сего дня вотъ, поѣхалъ на разбой и не простился, ну да ладно; на, вотъ поѣшъ ты, да запрячься въ ту каморку, и когда придетъ мужъ тогда увидимъ, какъ дѣлаться нужно будетъ. Тутъ она дала поѣсть горемычному а потомъ и велѣла ему въ каморку запрятаться. Только запрятался онъ, а въ ворота кто-то и застучалъ, баба тотчасъ побѣжала отворять, отворила калитку, на дворъ и вошелъ ея мужъ, такой сердитый и слова съ женой не молвилъ. Вошелъ въ избу, не снявъ шапки, сѣлъ за столъ и закричалъ во всю глотку: —Жена, ѣсть давай! Та, тотчасъ накрыла столъ, все поставила и отошла къ печькѣ. Вотъ мужъ выпилъ вина цѣлый ковшикъ, а жена тотчасъ ему и опять налила, онъ и другой выпилъ, разобрало его отъ двухъ ковшей, развеселился онъ да и спрашиваетъ жену: «Что ты такая сего дня добрая, сама меня виномъ потчуешъ?.. а другой разъ ругаешся, зачемъ я пью.—Да такъ потчую, пей наздоровье. «Нѣтъ братъ, меня ты не обманешь, не даромъ ты потчуешь, что нибудь у меня просить хочешь, пришелъ я домой сего дня сердитъ, потому что удачи нѣтъ, а теперь ты меня развеселила, значитъ проси чего хочешь, все тебѣ сдѣлаю. — Да сдѣлаешъ-ли полно? «Говорятъ что сдѣ-

лаю.—Хорошо кабы сдѣлалъ доброе дѣло, ты вѣдь больно грѣшенъ, а коли сдѣлаешъ это добро, тогда тебѣ Богъ грѣховъ проститъ. «А какое это дѣло? говори скорѣй, я ужъ сдѣлаю. Тутъ баба и разсказала про горемычнаго прохожаго да и сказала еще:—Сдѣлай, тебѣ Богъ грѣховъ проститъ. «Сдѣлаю жена, сдѣлаю, гдѣ онъ, зови горемычнаго. Баба позвала прохожаго, тотъ вышелъ изъ коморки и поклонился хозяину.—Ну, молодецъ, сказалъ ему разбойникъ, я пойду съ тобой, только куда мы пойдемъ, и коли что увидимъ страшное, жуткое, небойся ничего. Тутъ онъ одѣлся и вышелъ изъ избы и горемычный пошелъ за нимъ, вотъ приходятъ они къ морю, къ широкому морю, море такъ и бушуетъ, тутъ у моря разбойникъ завязалъ горемычному глаза, взялъ его за руку и повелъ, а куда повелъ, неизвѣстно, только тогда догадался нашъ горемычный, что они въ море опустились когда вода у его надъ головой зашумѣла. Вотъ, они опустились на дно морское и пошли по дну. Шли, шли, наконецъ стали опускаться въ яму, вотъ опустились они на дно ямы и стали; тогда горемычному развязалъ глаза разбойникъ и шепнулъ ему на ухо: «Небойся». Тутъ-то горемычный насмотрѣлся дорогою на разные страсти и ужасы. Встрѣчались имъ на дорогѣ черти, разные, разные

и все страшные, и объ одномъ рогѣ, и о двухъ, и о трехъ, и больше. Глаза у всѣхъ ихъ какъ уголья красныя, кости по аршину, морды свинячія, и собачія, и птичія головы и всякія, только нѣту ослиныхъ головъ. Прошли они всю эту дрянь и подошли къ воротамъ, тутъ еще хуже, еще страшнѣе и ужаснѣе, такъ, что горемычнаго по кожѣ какъ морозомъ обдало, видитъ онъ, ворота огнемъ такъ и пышутъ и множество чертенятъ все роста маленькаго, какъ на отборъ,—пляшутъ у воротъ, бѣснуются, на разные манеры, змѣи ползаютъ по землѣ, выпускаютъ жалы, шипятъ, а чертенята наберутъ ихъ въ руку съ десятокъ, да и кидаютъ ими въ разбойника и горемычнаго, только змѣи по счастью все мимо пролетаютъ, не попадаютъ въ разбойника и горемычнаго. Долго смотрѣлъ разбойникъ на чертовскіе проказы, наконецъ осердился, схватилъ пару чертенятъ и давай ихъ пинками колотить, поколотилъ а потомъ и шмякнулъ о землю, а самъ и вошелъ въ ворота. На дворѣ была земля изъ человѣческихъ костей, домъ былъ сдѣланъ тоже изъ костей, а крыльцо изъ чертовыхъ роговъ. Вотъ вошли они на крыльцо, тутъ лѣстница,—только не въ верхъ, а въ низъ, въ яму. Въ ямѣ сидитъ чортъ страшнеющій престрашнеющій, а вокругъ его чертей тьма тьму-

щая. Вотъ къ этому чорту, подошелъ разбойникъ взялъ его за руку, а чортъ разбойника пріятелемъ называетъ и бочьку съ виномъ ему пододвинулъ, что бы ему сѣсть, вотъ разбойникъ усѣлся и говоритъ чорту, про нашего горемыку, такъ и такъ; а потомъ и говоритъ еще: — Удружи мнѣ по пріятельски, отдай его запись. «Изволь, говоритъ чортъ, пожалуй удружу, потомъ и вскрикнулъ чертямъ: —Эй, вы! у кого изъ васъ такая то запись? Всѣ черти молчатъ, потомъ одинъ чертенокъ и говоритъ: —Эта запись у хромоногаго Сальцы. «Ну позвать хромоногаго Сальцу.» Тотчасъ чертенокъ одинъ и ушелъ, и привелъ потомъ за собой другаго, этотъ дьяволъ былъ рыжій, одноглазый, одноногій и одинъ рогъ у его больше бычачьяго. Вотъ ему и говоритъ чортъ, пріятель разбойника: «Эй ты, хромой Салецъ, отдай запись такую-то и такую!—Нѣтъ не отдамъ ни зачто, не даромъ же я доставалъ ее. — Отдай, я тебѣ велю. «Не отдамъ. — А! такъ ты еще огрызаться сталъ?.. принять Сальцу храмаго въ каленыя прутья! Тотчасъ цѣлая куча чертей схватили хромоногаго, повалили его на землю и давай драть каленими прутьями. Хромой Сальца оралъ оралъ, просилъ пощады, а записи все не отдаетъ. Наконецъ его драть бросили. — Отдашь ли теперь запись, хромой

Сальца? спросилъ чертъ. «Нѣтъ не отдамъ, ни за что не отдамъ.

— Не отдашъ, вотъ я посмотрю; эй возмите его въ крючьки, черти опять налетѣли на хромаго Сальцу, повѣсили его за хвостъ къ потолку, принесли каленыхъ крючьевъ и давай ими его тянуть всякой въ свою сторону, хромой давай опять просить пощады. — Отдашъ запись? спросилъ чортъ. «Нѣтъ, не отдамъ. — Не отдашъ?.. такъ я съ тобою раздѣлаюсь; снимите его и положите тотчасъ на кумову постель. Хромой Сальца какъ услыхалъ это слово, завылъ какъ собака, затрясся и повалился чорту въ ноги, и еще больше завылъ. — Все отдамъ только не клади на постель, вотъ и запись, тутъ, храмой Сальца и отдалъ чорту записку, а тотъ разбойнику. — На вотъ пріятель, возьми. Разбойникъ взялъ запись, попрощался съ чортомъ и пошелъ съ горемыкою. Въ этотъ разъ они прошли дорогу безъ всякихъ казусовъ, прошли опять на дно моря, тутъ опять горемыкѣ разбойникъ завязалъ глаза, а когда прошли по дну морскому и вышли на берегъ, тогда разбойникъ отдавая запись горемычному, спросилъ его: «Куда ты пойдешъ теперь? Пойду въ монастырь въ монахи, а ты куда пойдешъ теперь?—Пойду къ женѣ, и буду тѣмъ-же заниматься, чѣмъ занимался. — Худо сдѣлаешь, ты слыхалъ-ли что сказалъ и

куда велѣлъ сатана положить хромаго Сальцу? «Нѣтъ не слыхалъ! — Онъ велѣлъ положить его на кумову постель, а онъ тебя своимъ кумомъ называетъ, значитъ это твоя постель, и очень страшна надо быть, что хромой Сальца затрясся и отдалъ запись, когда его велѣли положить на эту постель. Разбойникъ задумался, упалъ со слезами на землю и сталъ говорить своему путнику: «Научи меня, что мнѣ дѣлать, что бы не быть на этой постелѣ?—Пойдемъ со мною въ монастырь, тамъ молиться станемъ.—Нѣтъ, не пойду я въ монастырь, ступай ужъ ты, а вонъ ты видишъ стоитъ изсохшая яблоня, пойду я къ ней, и буду плакать, и молиться до тѣхъ поръ, покудова яблоня не разцвѣтетъ, а ты ступай въ монастырь и помолись обо мнѣ. Тутъ, они разстались, одинъ пошелъ въ монастырь, а другой остался у изсохшей яблони.

Прошло много лѣтъ, нашъ горемычный жилъ въ монастырѣ и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался игуменомъ, потому, что велъ примѣрную жизнь.

Въ одно время ему видится сонъ, что стоитъ цвѣтущая яблоня, а подъ ней лежитъ тотъ разбойникъ и манитъ его къ себѣ рукой. Проснувшись игуменъ, взялъ съ собою двухъ монаховъ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ была яблоня, прежде изсохшая. Придя къ яблонѣ, онъ увидѣлъ, что

она уже не стоитъ засохшей, а полна плодами, и на одномъ сучькѣ сидитъ райская птичька и поетъ райскія пѣсни, подъ яблоней, уже почти мертвый лежитъ прежній знакомый игумена; но увидя его онъ приподнялъ голову и чуть чуть могъ сказать: «Радъ я, что увидалъ тебя, на душѣ мнѣ теперь гораздо легче, поскорѣй торопись, исповѣдуй меня и если я достоинъ, — причасти, тогда я помру спокойно. Игуменъ тотчасъ все сдѣлалъ, что просилъ его бывшій разбойникъ. Тотъ тотчасъ же и умеръ. Птичька которая сидѣла на сучькѣ, запѣла еще лучше и улетѣла, тогда игуменъ съ монахами вырылъ могилу, похоронилъ въ нее умершаго и всѣ отправились въ монастырь.

—

Хромоногій Скрипачъ.

Знаете-ли вы хромоногаго Гришку, удальца-скрипача, молодца на всѣ руки? Не знаете, жаль— значитъ вы не знаете, какъ и отъ чего онъ и хромъ сдѣлался, не ужели и этого не знаете?... а кажется про это всѣ наши ребята знаютъ да чуть ли и не цѣлый свѣтъ. Ну такъ я разскажу вамъ, вы только слушайте, да не поперечьте.

Гришка хромоногій не былъ хромоногимъ, какъ о томъ молва говоритъ: былъ онъ очень бѣденъ, такъ бѣденъ, что и сказать нельзя, а любилъ чортовъ сынъ музыку, то есть такъ любилъ, какъ мать родную: гармонійка-ли гдѣ заиграетъ или скрипка запищитъ, нашъ Гришка просто ненашинскимъ дѣлается, а какимъ то чертовскимъ человѣкомъ, бѣснуется, подсвистываетъ, пляшетъ точно чортъ его каленымъ гвоздемъ въ бокъ тычетъ. Въ то время, когда пляшетъ онъ, не попадайся ничего подъ ногу: кадушка-ли какая, скамейка-ли попадетъ подъ его ножищу, такъ ту вещь и по-

минэй какъ звали; расколотитъ, разобьетъ и обломки за окно побросаетъ. А спалъ и видѣлъ Гришка выучиться играть на скрипкѣ. Цѣлое лѣто проработалъ онъ у Химки лысаго скрыпача даромъ, просто даромъ, ну посудите-же сами люди добрые, за скрипку лѣто проработать не есть-ли это даромъ? Вотъ скрипка въ рукахъ у Гришки; пилитъ онъ на ней, окаянный, день и ночь, просто такія колѣна выдѣлываетъ, что волосъ дыбомъ становится; но какъ не игралъ Гришка, а все нѣтъ толку—не можетъ выучиться играть да и баста,—хотъ топись отъ досады. Вотъ Гришка и пошелъ къ рѣкѣ,—только вы добрые люди не подумайте, что топиться, — нѣтъ; онъ пошелъ на бережекъ рѣки, сѣлъ, да и заплакалъ, смотря на свою скрипку, которую держалъ въ рукахъ, плакалъ, плакалъ онъ отъ досады, что не могъ играть выучиться, да потомъ какъ хватитъ скрипку о камень; только и видѣлъ ее: вся въ мелкіе кусочки разлетѣлась, даже и на память не осталось ни кусочка; махнулъ Гришка рукою, плюнулъ, да кажись обругался два раза, да и хотѣлъ идти домой. Вдругъ пырь ему въ глаза старикъ,—просто старичишка такой мозглякъ, что глядя на него такъ плюнуть и хочется, идетъ, въ правой рукѣ скрипку держитъ, а въ лѣвой смычекъ, идетъ да подплясываетъ;

подошелъ онъ къ Гришкѣ, да и говоритъ ему: Что ты, Гришка, скучаешь?—Да научиться не могъ играть на скрипкѣ, отвѣчалъ Гришка.—Да у тебя, говоритъ старикъ: скрипка-то не такого сложенія была, вотъ моя другое дѣло, и старикъ заигралъ, да такъ заигралъ, что Гришка разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и поблѣднѣлъ, и покраснѣлъ въ одно время, и не зналъ, что дѣлать отъ радости. Кончилъ старикъ игру, а Гришка все еще слушаетъ; у него въ ушахъ все еще раздается чудная игра скрипки—волшебницы; наконецъ Гришка опомнился.—Дѣдушка!вскричалъ онъ, отецъ родной, продай скрипку, что хошъ возми, пять лѣтъ стану работать тебѣ за твою скрипку, только продай!—Слушай Гришка, сказалъ старикъ; скрипка будетъ твоя и ты на ней выучишься сразу играть, только я отдамъ тебѣ тогда скрипку, когда ты ударишь меня колѣнкой въ задъ одинъ разъ.—Хоть десять, сколько велишь, отецъ родной, говоритъ Гришка. Старикъ сталъ на четвереньки, а Гришка, чтобы угодить дѣду, разбѣжался, да какъ хватитъ его въ задъ колѣнкою, такъ, что самъ Гришка не взвидѣлъ ни земли, ни неба и повалился на землю. Старика не было, какъ ни когда не бывало; только по лѣсу слышенъ былъ хохотъ и грохотъ, а на мѣстѣ старика стоялъ

обгорѣлый пень, около котораго лежалъ Гришка съ раздробленною ногою и унего въ рукахъ была чудовищная скрипка.

Портной и лѣшій.

Въ одномъ городѣ жилъ портной мастеръ, работы у его было много; все начальство того города отдавало ему работу, не глядя на то, что онъ былъ пьяница, а глядѣли на то, что былъ онъ человѣкъ работящій, да къ тому же въ этомъ городѣ кромѣ его портныхъ мастеровъ не водилось. Въ одно время за этимъ портнымъ мастеромъ, прислалъ городничій, (для его была работа). Вотъ, портной отправился къ городничему, да сперва еще зашелъ въ кабакъ, выпилъ порядочную красаулю, да и сталъ продолжать путь, дѣло было ужъ къ вечеру, вдругъ на встрѣчу портному попадается городничій, должно быть, подумалъ портной, городничій нашъ прогуливается, подумалъ онъ это, подошелъ къ городничему да и кланяется; городничій зналъ его, и говоритъ:—Здорово, пойдемъ ко мнѣ, я въ тебѣ нужду имѣю. Вотъ и пошли, приходятъ въ домъ городничаго.—Ну, говоритъ городничій портному, вотъ тебѣ сукно, крой мнѣ шинель, ты мою мѣрку знаешь, а самъ и пошелъ въ другую комнату. Пор-

тной, оставшись одинъ, сталъ кроить, скроилъ шинель да себѣ жилетку выкроилъ, да прибрать то ее не успѣлъ какъ вошелъ городничій. Увидалъ онъ жилетку да и говоритъ усмѣхнувшись:—Не забылъ ты брать себя, выкроилъ на жилеточку, ну да я не сержусь, на вотъ, выпей-ко водочки. Портной поклонился, взялъ рюмку, перекрестился да и хотѣлъ пить, анъ глядь вмѣсто городничаго дома, стоитъ онъ посреди дремучаго лѣса, передъ нимъ стоитъ пень вмѣсто городничаго, а въ рукахъ вмѣсто рюмки держитъ онъ еловую шишку и холодъ сильно пронялъ портнаго. Осмотрѣлся онъ и не видитъ на себѣ сюртука, а что то держитъ подъ мышкою, развернулъ, смотритъ, а это его сюртукъ и разрѣзанъ онъ въ куски, только и цѣлаго, что жилетка выкроена. Портной перекрестился и пошелъ по лѣсу наудачу, пришелъ наконецъ домой и оказалось, что онъ семь верстъ былъ отъ дому, за городомъ въ помѣщичьемъ лѣсу, а завелъ его туда лѣшій лѣсовикъ.

—

Несъ да не донесъ.

Шелъ мужикъ, изъ своего села въ другое и пришлось ему идти лѣсомъ, дѣло было къ ночи, вотъ идетъ онъ да распѣваетъ, въ головкѣ напорядкахъ было закручено, идетъ мужикъ да и видитъ: бѣжитъ хромоногій козленокъ да кричитъ, подошелъ къ нему мужикъ и думаетъ: вѣрно этотъ козленокъ какъ нибудь заплутался, дайко возьму его съ собою, взялъ козленка, взвалилъ на плечи и потащилъ, легокъ былъ козленокъ, но чѣмъ дальше тащилъ его мужикъ, тѣмъ онъ дѣлался тяжелѣе, такъ что тащить его силъ не стало; съ мужика потъ градомъ катитъ, что за причта такая? думаетъ онъ, козелъ-то больно тяжелъ сталъ, дай-ко его брошу, сталъ сбрасывать, а козелъ не сходитъ. Мужикъ оробѣлъ да и перекрестился, въ ту-жъ минуту козелъ соскочилъ съ плечь, да и бросился въ лѣсъ, по которому пошелъ ужасный свистъ. И слышался крикъ ему: «Ты несъ да недонесъ.»—Это былъ не козелъ должно быть, а лѣшій, проговорилъ мужикъ крестясь, да и пустился бѣжать назадъ.

—

Старичекъ предсказатель.

Въ одномъ селеніи, жили мужъ съ женою, были они люди зажиточные, дѣтей у нихъ не было ни единаго, они объ этомъ тосковали долгое время, только въ одну темную ночь, постучался кто-то въ ихъ двери.—Пустите, говоритъ, ночевать странника. Вотъ мужъ всталъ и отперъ двери, встрѣтилъ старичка стараго, поклонился ему, да и говоритъ: «Куда дѣдушка тебя Богъ несетъ?—Да иду, говоритъ старичекъ, Богу молиться, въ такой-то городъ, да вотъ застала темная ночь такъ и прошу васъ, примите на ночлегъ старика.—Изволь дѣдушка, изволь.—Эй жена! давай-ко поужинать дѣдушкѣ. Жена тотчасъ собрала на столъ. Сѣлъ старичекъ, поужиналъ, помолился потомъ Богу, да и говоритъ мужу съ женою.—Спасибо вамъ добрыя люди, за хлѣбъ и ласку, заплатилъ бы я вамъ да не чѣмъ, а вотъ если хотите, то я скажу вамъ-будутъ ли у васъ дѣти, и что съ ними будетъ. Обрадовались мужъ съ женою, поклонились старику въ ноги, и говорятъ:—Открой намъ ста-

ричекъ, будутъ ли у насъ дѣти? мы ужъ давно ихъ желаемъ, потому, что живемъ въ довольствѣ, ни кого родныхъ у насъ нѣтъ, помремъ все останется зря и отказывать-то будетъ не кому.—Скажу вамъ, отвѣчаетъ старичекъ, все скажу: только не радостно для васъ будетъ, не рады вы будете и сыну, который у васъ родится, будетъ у васъ сынъ, только не будетъ онъ жить съ вами, сами вы его съ рукъ сбудете; будетъ онъ пропадать, потомъ убьетъ тебя, — своего отца и женится на твоей женѣ,—своей матери. Выслушавъ отъ старика такое предсказаніе, и мужъ, и жена сказали вмѣстѣ: «Пусть лучше бы ему не родится, а если родится, то лучше мы убьемъ его, чѣмъ дождемся отъ его такой бѣды. Переночевавъ, старичекъ утромъ всталъ, простился съ хозяевами и пошелъ своею дорогою. Послѣ предсказанія старичка прошелъ годъ и родился у мужа съ женою сынъ. —Что жена, говоритъ мужъ, старикъ-то который у насъ былъ на ночлегѣ, сказалъ правду, вѣдь точно у насъ родился сынъ, бѣда, какъ если сбудутся его и другія предсказанія, что намъ дѣлать, какъ ты думаешь?... предадимъ смерти своего сына, пусть онъ лучше умретъ отъ рукъ нашихъ, чѣмъ причинитъ намъ такія несчастія. Жаль стало матери своего ребенка. Нѣтъ, говоритъ она, не

надо убивать его, положимъ его лучше въ корзинку да и пустимъ на воду.—И то дѣло, говоритъ мужъ, только такъ опускать его въ воду не надо, потому-что кто нибудь спасетъ его, выроститъ и тогда пожалуй исполнится предсказаніе старика. —Какъ ты хочешь, но убивать его не надо. «Слушай жена, говоритъ мужъ, распоремъ ему брюхо да и пустимъ на воду въ корзинкѣ. Долго жена не соглашалась на это, но мужъ настоялъ на своемъ, разрѣзалъ брюхо мальчику и пустилъ его въ корзинкѣ въ морѣ. Карзинка будучи засмолена и большая, поплыла по морю и скоро прибило ее къ берегу. Въ это время выходила полоскать женщина, увидя корзинку она подошла къ ней и найдя въ ней ребенка съ разрѣзаннымъ животомъ, сжалилась надъ нимъ и взяла его съ собою, (ребенокъ былъ еще живъ). Придя домой, она зашила ему разрѣзанное мѣсто и оставила его воспитываться въ своемъ домѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ мальчикъ росъ, росъ и дожилъ до 18 лѣтъ, въ этотъ годъ, умерла воспитательница и оставила его опять сиротою. Не имѣя средствъ прокормить себя, сирота пошелъ искать себѣ работы, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ, ему работы не нашлось и потому онъ пришелъ въ другой городъ, гдѣ изъ за хлѣба нанялся стеречь садъ у одного

богача, который жилъ со своей женою. Въ одну ночь онъ отправился караулить садъ, взявъ съ собою толстую дубину. Богачь желая испытать неусыпную бдительность своего работника, взлезъ на кровлю дома и съ ней сталъ наблюдать за караульщикомъ. Караульщикъ замѣтя хозяина и неузнавъ его, а думая, что это воръ, бросилъ въ его дубиною и убилъ его до смерти! Жена хозяина и самый работникъ потужили, потужили да и перестали. Хозяйка оставила работника жить у себя и чрезъ годъ послѣ смерти мужа вышла за работника замужъ. Такъ и сбылось предсказаніе старика. Работникъ оказался сыномъ хозяйки, это она узнала по зашитому мѣсту на его животѣ.

Кузнецъ и чортъ.

Жилъ одинъ кузнецъ, человѣкъ бѣднѣйшій пребѣднѣйшій, а мастеръ своего дѣла, удивительный мастеръ, но счастье ему не давалось въ руки, какъ онъ не старался зашибить копѣйку, все напрасно. Въ кузницѣ, у этаго кузнеца [illegible] натретъ чорта, нарисованнаго [illegible], висѣлъ портпрестрашный [illegible] былъ онъ страшный [illegible]. Кузнецъ всегда во время своей работы взглянетъ нечаянно на картину чортову, да и плюнетъ или каленымъ желѣзомъ пихнетъ въ нее. Въ одно время работа была у него спѣшная, а дѣло не спорилось, такъ онъ съ досады каленымъ гвоздемъ чорту глазъ выжегъ; да и много разныхъ ругательствъ дѣлалъ кузнецъ надъ картиною. Чортъ зналъ про это, что кузнецъ издѣвается надъ его портретомъ, терпѣлъ, терпѣлъ и не вытерпѣлъ.—Постой, думаетъ, я задамъ кузнецу ходу. Взялъ онъ въ одно время, когда кузнеца не было въ кузницѣ и привалилъ огромный камнище къ дверямъ кузницы, такъ, что войти

въ нее небыло ни какой возможности, а самъ спрятался за кузницу и сталъ дожидать кузнеца. Вотъ пришелъ кузнецъ, видитъ, что у его кузницы привороченъ камнище, сталъ ругатся на пропалую потомъ и пошелъ за аншпугомъ, чтобы имъ своротить камень съ мѣста, аншпугъ лежалъ за кузницей. Вотъ бросился туда кузнецъ, взглянулъ и видитъ, что тамъ чортъ запрятавшись. —А, такъ это ты, сомной такую штуку сдѣлалъ, закричалъ кузнецъ. Потомъ схватилъ чорта за шиворотъ и давай его лудить аншпугомъ по спинѣ. Чортъ видитъ дѣло худо, кузнецъ бить не перестаетъ и сталъ онъ просить прощенья.—Ступай говоритъ кузнецъ, стащи камень на прежнее мѣсто да больше никогда мнѣ и на глаза не кажись, хуже изобью. Чортъ отворотилъ камень и ушелъ отъ кузнеца, а кузнецъ сталъ еще болѣе потешаться надъ картиною. Не вытерпѣлъ чортъ, задумалъ идти къ кузнецу; приходитъ въ видѣ человѣка, въ синемъ картузѣ, въ желтомъ галстухѣ, въ коричневомъ фракѣ и съ палкою въ рукѣ. —Сдѣлай мнѣ, говоритъ онъ, кузнецу желѣзную вилу, я тебѣ дорого заплачу. «Изволь, говоритъ кузнецъ. — А дорого ли ты съ меня возмешь за эту картинку? чортъ показалъ на свой портретъ.—Она у меня, говоритъ кузнецъ, не продажная, а за

вѣтная. Чортъ сталъ приставать къ кузнецу, продай, да продай дорого дамъ. Кузнецъ замѣтилъ, что покупатель пристаетъ. Посмотрѣлъ онъ на картузъ, посмотрѣлъ на покупателя, да и замѣтилъ у него по выше ушей маленькія два рожка. «Постой, думаетъ, необманешь, догадался я, что ты за гусь такой, сдеру же я съ тебя за свой портретъ. Взялъ онъ каленое желѣзо, да и уткнулъ въ рыло нарисованному чорту, а настоящій чортъ сморщился.—Продай, говоритъ онъ кузнецу, я обогащу тебя.—А какъ ты обогатишь меня?—Да дамъ тебѣ кладъ, дорогой кладъ, только согласись.— Ладно, говоритъ кузнецъ, изволь веди показывай гдѣ кладъ. —Пойдемъ, говоритъ чортъ, да и картину бери съ собою, какъ я тебѣ отдамъ кладъ, такъ ты мнѣ отдашъ и картину. Кузнецъ согласился и они отправились. Вотъ приходятъ они въ лѣсъ, чортъ вырвалъ одно дерево и показалъ кузнецу котелъ золота. Схватилъ кузнецъ котелъ съ деньгами, бросилъ картину и пустился бѣжать только не въ ту сторону, гдѣ была его кузница, а совсѣмъ въ другую, да такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ неизвѣстно куда.

Чортъ и картежный игрокъ.

Былъ одинъ человѣкъ, бѣдный пребѣдный незналъ онъ какъ поправить свое состояніе. Думалъ, думалъ, да и надумалъ идти къ колдуну, просить совѣта, какъ разжиться. Приходитъ онъ къ колдуну и говоритъ ему:—Научи меня, какъ бы поправиться состояніемъ моимъ, я тебя за это незабуду, буду тебѣ слугою. «Изволь, говоритъ колдунъ, я научу тебя, какъ поправиться, разбогатѣть даже: Ступай ты въ заутреню свѣтлаго дня и положи себѣ въ сапогъ туза бубноваго, а какъ кончится заутреня, то ты ступай скорѣй къ себѣ домой неоглядываясь. Когда все это сдѣлаешь тогда ты можешь играть въ карты съ кѣмъ хочешь и ни когда не проиграешь. Выслушавъ колдуна, бѣднякъ отправился домой, и когда пришло время, то сдѣлалъ все такъ, какъ говорилъ колдунъ и скоро, разбогатѣлъ, все выигрывалъ въ карты. Въ одно время идетъ онъ по улицѣ и попадается ему на встрѣчу прятель, съ какимъ то другимъ не знакомымъ.

Вотъ пріятель и говоритъ ему на ухо: «Пойдемъ, обыграемъ этого, который идетъ со мною. Игрокъ согласился, и пошелъ съ своимъ пріятелемъ къ нему въ домъ, а за ними пошелъ и третій. Долго они играли въ карты. Игрокъ много выигралъ, а проигралъ незнакомый. Наконецъ незнакомый бросилъ карты и говоритъ игроку, не все тебѣ выигрывать смотри на меня. Игрокъ взглянулъ и увидѣлъ, что пріятеля нѣтъ, незнакомаго тоже, а стоятъ вмѣсто ихъ два чорта, которые бросились на него, схватили и утащили съ собою.

Искатель клада.

Въ одной деревнѣ былъ поставленъ полкъ солдатъ по квартирамъ. Это было не задолго передъ Ивановымъ днемъ. Одинъ солдатъ, въ ночь на Ивановъ день, и пошелъ отыскивать папортникъ. (*) Вотъ часовъ въ одиннадцать ночи приходитъ онъ въ поле, всталъ задомъ къ лунѣ и давай замѣчать. Скоро сталъ разцвѣтать папортникъ и когда разцвелъ, то солдатъ подбѣжалъ къ цвѣтку и сорвалъ его, потомъ тотчасъ закаталъ цвѣтокъ въ воскъ и положилъ въ ротъ, а самъ пошелъ отыскивать кладъ; только на дорогѣ ему много было препятствія. Встрѣчались куры, величиною съ лошадь. Тарантасъ у котораго вмѣсто лошадей были запряжены козлы, вмѣсто кучера сидѣлъ медвѣдь, въ тарантасѣ двѣ обезьяны, и много разныхъ разностей

(*) Цвѣтокъ, который по словамъ легковѣрныхъ, разцвѣтаетъ только въ ночь на Ивановъ день. Кто этотъ цвѣтокъ достанетъ, тотъ будто бы можетъ отыскать съ нимъ кладъ.

встрѣчалось ему на дорогѣ. Наконецъ, уже пройдя довольно далеко и близь своей уже деревни, вдругъ встрѣчается ему коляска его полковаго командира, а въ ней сидитъ самъ полковой командиръ. Замѣтивъ солдата, онъ подозвалъ его къ себѣ; солдатъ снялъ фуражку.—Откуда ты идешъ такъ поздно? «Ходилъ по надобности, отвѣчалъ солдатъ картаво.—Что у тебя ворту? сказалъ командиръ; выплюнь. Солдатъ выплюнулъ въ забывчивости воскъ и увидалъ тогда, что ни коляски съ полковымъ командиромъ и ничего близь него не было, а въ лѣсу слышно было, какъ хохоталъ лѣсовикъ. Опростоволосился солдатъ, пошелъ повѣся голову въ деревню и разсказалъ, что съ нимъ такое происходило.

Повѣрья русскаго простаго народа.

Вотъ почему русскій, простой народъ, не любитъ ужасно мышей и даже имѣетъ къ нимъ отвращеніе. Положимъ, что крыса сама по себѣ отвратительное животное; но болѣе русскій простой народъ не любить ее за то, что по словамъ стараго нелѣпаго преданія, которое отъ стариковъ переходитъ внучатамъ и до сихъ поръ говорится, что крыса, будучи во время всѣмірнаго потопа въ ковчегѣ Ноя, прогрызла въ немъ дыру, но *ужъ* заткнулъ эту дыру своею головою, по этому первую ненавидятъ а втораго любятъ. Къ воробьямъ же не любовь русскаго простаго народа призошла подругому преданію, а именно: будто воробьи приносили жидамъ гвозди когда Христосъ былъ приведенъ на распятіе. Осина–же потому постоянно трясется, что на ней будто–бы удавился Іуда предатель. Ворона любятъ за то, что онъ, будучи выпущенъ изъ ковчега, вернулся назадъ и принесъ вѣсть что потопъ кончился. Про сабаку говорятъ,

что она чистая, а шерсть у ней поганая, а именно, потому что она была сотворена голою и караулила рай, но пришелъ дьяволъ что бы искусить Адама и Евву, собака его не пускала, но дьяволъ навелъ на нее холодъ и она пустила его тогда, когда онъ далъ ей шубу т. е. шерсть, почему шерсть у собаки и поганая. Про кошекъ говорятъ, что они чистыя, а поганъ у нихъ ротъ, за то, что они ѣдятъ мышей. Говорятъ, будто въ каждомъ домѣ гдѣ нибудь за печкою непремѣнно живетъ домовой. Козловъ держатъ въ конюшняхъ, потому, что домовой боится козла, по этому и не будетъ ходитъ въ конюшню мучить лошадей, а то будтобы домовой которую лошадь не любитъ, то бьетъ ее всю ночь и отнимаетъ отъ нея кормъ, а которую любитъ, то заплетаетъ гриву ее въ косы и холитъ эту лошадь. И много такихъ нелѣпыхъ повѣрьевъ живетъ между русскимъ простымъ народомъ и въ нихъ вѣрятъ незная истинны.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран

Предисловіе. . . . . VII.

ЛЕГЕНДЫ:

Три булки . . . . . 1.

Завистливый. . . . . 8.

Благочестивая жена . . . . . 11.

Купцово счастіе . . . . . 16.

Что Богъ назначитъ то и будетъ. . 22.

Кумова постеля. . . . . 24.

Хромоногій скрипачь . . . . . 40.

Портной и лѣшій . . . . . 44.

Несъ да не донесъ . . . . . 46.

Старичекъ предсказатель. . . . . 47.

Кузнецъ и чортъ . . . . . 51.

Чортъ и картежный игрокъ. . . . 54.

Искатель клада. . . . . 56.

Повѣрья русскаго простаго народа . 58.

ДОПОЛНЕНІЕ.

ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ РУССКИМЪ

ПРОСТОНАРОДНЫМЪ

ЛЕГЕНДАМЪ.

И

РАЗСКАЗАМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. Іюня 30 дня 1861 года.
Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

Въ типографіи Ѳ. И. Иванова.

Тарарушка.

Жилъ въ деревнѣ мужикъ съ женою, у ихъ былъ сынокъ Тарарушка, и былъ онъ большой дурень, пришло время отецъ Тарарушкинъ умеръ, а матка и говоритъ сынку дурню: «Что ты Тарарушка не плачешъ? пошелъ-бы хоть лукомъ натерся да заплакалъ. Послушалъ Тарарушка свою матку, пошелъ на огородъ, схватилъ луковицу, да и давай ею себя по глазамъ, да по носу колотить, носъ въ кровь разбилъ. Увидали это мужики, схватили Тарарушку, отняли отъ него луковицу, потаскали его за волосы, да и прогнали домой. Приходитъ Тарарушка домой, плачетъ, а мать и спрашиваетъ, что съ тобой сынокъ, кто тебя?—Я, говоритъ Тарарушка, пошелъ въ огородъ, да сталъ тамъ луковицей глаза бить, а меня за это мужики за волосы оттаскали. «А съ чѣмъ эти мужики шли, что несли? (спрашиваетъ мать Тарарушку). Шли, отвѣчаетъ Тара-

рушка, да несли ведро вина и ведро пива.—Эхъ ты Тарарушка, Тарарушка, ты бы сказалъ имъ: пиво да вино. —Пойду скажу. Вышелъ Тарарушка на улицу и видитъ, что у кабака дерутся два мужика изъ за пива да вина; онъ подбѣжалъ къ нимъ да и давай кричать: пиво да вино! пиво да вино! Мужики осерчали на Тарарушку, схватили его, оттаскали за волосы, да и домой прогнали. Прибѣжалъ Тарарушка домой плачетъ; а матка и спрашиваетъ: Кто тебя Тарарушка? — Пошелъ я, говоритъ Тарарушка, на улицу, дерутся два мужика я и давай кричать имъ: пиво да вино! пиво да вино! а они меня и прибили.—А кто эти мужики? — Перевозчики. «Эхъ ты Тарарушка, Тарарушка, ты бы за это сказалъ имъ: перевозить бы вамъ не перевозить, переносить-бы вамъ не переносить. — Ладно пойду, говоритъ Тарарушка, такъ и скажу имъ; выбѣжалъ онъ на улицу несутъ покойника, а Тарарушка забѣжалъ въ передъ да и давай кричать: — Носить-бы вамъ не переносить, возить-бы вамъ не перевозить. Услыхали люди эти слова, схватили Тарарушку, за волосы оттаскали да и домой прогнали. «Кто тебя обидѣлъ сынокъ? спрашиваетъ матка Тарарушку. — Вышелъ я на улицу, говоритъ Тарарушка, вѣзутъ много лошадей, много людей, вѣзутъ коры-

то другимъ покрыто, я говорю: «Возить-бы вамъ не перевозить, носить-бы вамъ не переносить, а они меня прибили. — Эхъ ты Тарарушка, Тарарушка, пошелъ бы ты да сказалъ: Канонъ да ладонъ. Пойду, говоритъ Тарарушка скажу, вышелъ онъ на улицу вѣзутъ свадьбу, а онъ и давай кричать. — Канонъ да ладонъ, канонъ да ладонъ. Услыхали это люди, схватили Тарарушку за волосы, да и давай таскать. Приходитъ Тарарушка домой, а матка и спрашиваетъ. «Кто тебя сынокъ? Вышелъ я: говоритъ Тарарушка на улицу, вѣзутъ много телегъ, много бабъ и мужиковъ, и поютъ они пѣсни; подбѣжалъ я къ нимъ да и давай кричать: «Канонъ да ладонъ, меня за это схватили за волосы да и прибили. Эхъ ты Тарарушка, ты-бы самому молодому поклонился да и сказалъ-бы: «Чтобъ тебѣ разговѣться, заговѣться и дѣтямъ твоимъ бородку замарать. Пойду, говоритъ Тарарушка скажу такъ. Выходитъ онъ на улицу и видитъ мужикъ на телѣгу навозъ накладываетъ; подбѣжалъ къ нему Тарарушка и давай кричать: — Чтобъ тебѣ разговѣться, заговѣться и и дѣтямъ твоимъ бородку замарать. Услыхавъ это мужикъ, схватилъ Тарарушку за волосы и давай таскать. Пришелъ Тарарушка домой.—Что съ тобою? спрашиваетъ мать. Вышелъ я на улицу, го-

воритъ Тарарушка, кладетъ мужикъ навозъ я подбѣжалъ да и сказалъ: «чтобъ тебѣ разговѣться, заговѣться, да дѣтямъ твоимъ бородку замарать.— Эхъ! ты Тарарушка, Тарарушка, взялъ бы ты да его палкой. Взялъ Тарарушка палку, и вышелъ на улицу, вотъ и видитъ онъ, дерутся двѣ собаки, подбѣжалъ онъ къ нимъ да и ударилъ палкою; собаки разсердились да и обкусали у Тарарушки ноги. Приходитъ онъ домой.—Что съ тобой? спрашиваетъ мать. Вышелъ я на улицу и вижу дерутся двѣ собаки, я схватилъ палку да и ударилъ, а онѣ мнѣ ноги обкусали.—Эхъ! ты Тарарушка, Тарарушка, за чѣмъ ты ихъ трогалъ плюнулъ-бы,— да и все. — Пойду, говоритъ Тарарушка, плюну; вышелъ онъ на улицу, видетъ идетъ дѣдъ рукава спустя, онъ и плюнулъ на него, а тотъ схватилъ его за волысы да и давай таскать. Пришелъ Тарарушка домой.—Кто тебя спрашиваетъ его матка? Вышелъ я говоритъ Тарарушка на улицу идетъ дѣдко, рукава спустя, я и плюнулъ на него а онъ схватилъ меня за волосы да и притаскалъ.—Эхъ ты Тарарушка, Тарарушка, ты-бы подошелъ къ нему поклонился, да и сказалъ-бы здравствуй дѣдушка!—Ладно говоритъ Тарарушка, пойду сдѣлаю такъ. Входитъ онъ въ лѣсъ и видитъ: идетъ медвѣдь, Тарарушка поклонился ему да и говоритъ:

Здравствуй дѣдушка? Медвѣдь схватилъ Тарарушку, подмялъ подъ себя мялъ, мялъ его а потомъ и побѣжалъ въ лѣсъ; а Тарарушка чуть живой пришелъ къ своей маткѣ.—Кто тебя это? спрашиваетъ матка. Шелъ я, говоритъ Тарарушка, по лѣсу идетъ дѣдушка мохнатый я и говорю: «здравствуй дѣдушка! а онъ схватилъ меня да и давай ломать чуть живаго отпустилъ.»

Въ одно время мать Тарарушки послала его продать холстъ. Приходитъ Тарарушка въ лѣсъ обмоталъ березу въ свой холстъ да и пошелъ домой. Ну что продалъ-ли холстъ? спрашиваетъ матка.—Продалъ говоритъ Тарарушка.—Ну а деньги принесъ?—Нѣтъ, говоритъ Тарарушка, за деньгами послѣ придти велѣли. Посылаетъ мать Тарарушку за деньгами; приходитъ онъ къ той березѣ, на которой былъ холстъ наверченъ, видитъ холста нѣтъ, а у березы стоитъ котелъ съ золотомъ; взялъ котелъ Тарарушка да и пошелъ домой. Приходитъ онъ домой да и отдалъ котелъ матери; а та говоритъ:—Поди Тарарушка да попроси у сосѣда мѣрочки золото мѣрить. Пошелъ Тарарушка къ сосѣду:—Дай говоритъ мѣрочки, золото мѣрить, я кладъ нашелъ; сосѣдъ далъ мѣрочку, а самъ и думаетъ: постой я этотъ кладъ, оттягаю. Приходитъ, Тарарушка, домой и приноситъ мѣрочку, а

мать и говоритъ ему: — Поди, говоритъ, Тарарушка выди за варота покудова я деньги мѣряю. ты постой, и какъ увидишъ, что кто идетъ то и свисни. Ладно, говоритъ Тарарушка, и пошелъ; взялъ онъ дубину, сталъ у воротъ, да и поглядываетъ во всѣ стороны, а сосѣдъ и идетъ, подошелъ близко къ Тарарушкѣ, а тотъ какъ его свиснетъ дубиною по лбу; тотъ и ноги къ верху задралъ. Мать Тарарушки вышла на улицу и видитъ убитаго.—Кто его убилъ? спрашиваетъ она.—Я, говоритъ Тарарушка. Матка его пожурила да и говоритъ: Смотри молчи, я его на чердакъ спрячу. Ладно, говоритъ Тарарушка, буду молчать. Матка Тарарушки похоронила убитаго, а на чердакъ положила зарѣзаннаго козла. Дѣти сосѣда увидѣли Тарарушку и спрашиваютъ:—Не видалъ-ли ты нашего батьки? Я, говоритъ Тарарушка, убилъ его. Какъ убилъ? Да такъ, матка мнѣ сказала, «кто пойдетъ такъ ты свисни», я взялъ дубину да вашего батьку и свиснулъ по лбу.—Гдѣ же онъ? спрашиваютъ дѣти. Да на чердакѣ лежитъ. Вотъ пошли на чердакъ, да и говорятъ Тарарушкѣ:—Тащи же Тарарушка убитаго. А что вашъ батька о четырехъ ногахъ былъ? спрашиваетъ Тарарушка. — О четырехъ, тащи Въ шерсти былъ?—Въ шерсти, тащи. Съ хвостомъ былъ? Съ хвостомъ, тащи.—Съ рогами былъ?—Съ

рогами, тащи. Схватилъ Тарарушка козла, да и бросилъ его въ низъ. Какъ увидали всѣ, что ихъ обманулъ Тарарушка, засмѣялись и пошли домой.

Комары пѣвчіе.

Шелъ человѣкъ дорогою, и видитъ, этотъ человѣкъ, что предъ нимъ цѣлою копною вьются комары. И говоритъ человѣкъ, комарьимъ голосомъ: Что вы такое за люди? Говорятъ, отвѣтъ держатъ комары, человѣку, —говорящему комарьимъ голосомъ: Мы люди пѣвчія.—Эхъ, говоритъ человѣкъ, пришли бы вы комнѣ, по пѣть въ мой праздникъ —А когда ты празднуешъ своему празднику?—Въ новый годъ мой праздникъ бываетъ, говоритъ имъ человѣкъ, говорящій камарьимъ голосомъ.—О, нѣтъ отвѣчаютъ комары, у насъ тогда и голосовъ нѣтъ, мы тогда и не поемъ.

Дурень.

Жили были три брата и торговали они въ городахъ, разными мелочами. Только въ одинъ годъ и посылаетъ отецъ двухъ старшихъ торговать, а третьяго котораго называли дурнемъ, оставилъ дома. Поѣхали два брата, и на пути, ночью, остановились они ночевать у мужика, мужикъ пустилъ ихъ и говоритъ: «Пейте, ѣште, да завѣтъ помните, что ночью изъ дома не выходить. Братья согласились, а когда пришла ночь ихъ такъ и стало подмывать какъ бы уйти. Вотъ старшій братъ разбудилъ мужика и говоритъ.—Смерть выйти на улицу хочется, пусти. «Ступайте, говоритъ мужикъ, только возовъ лишитесь. Братья согласились и пошли на улицу, за то безъ возовъ и домой пріѣхали. Тогда дурень и сталъ проситься, говоритъ отцу: —Пусти батюшка меня торговать, я привѣзу тебѣ и свой возъ и братнины возы, да и еще лишній достану. Подумалъ, подумалъ отецъ, да и рѣшился.—Поѣзжай, говоритъ, наживай, да послѣдняго не потѣряй. Взялъ дурень возъ и поѣхалъ;

пришлось и дурьню ночевать у того мужика, у котораго его братья ночевали, да возы оставили. Вотъ и говоритъ мужикъ дурьню: «Напою я, накормлю тебя, только завѣтъ помни, не просись гулять на улицу.—Ладно, говоритъ дурень, не попрошусь; а его такъ и подмываетъ, какъ-бы прогулятся; думалъ, думалъ онъ, да и придумалъ, видитъ, что мужикъ спитъ крѣпко, вылѣзъ онъ тихонько въ окно, да въ шапку мужика и наклалъ грязи, а самъ взявъ четыре воза съ товарами уѣхалъ со двора. Проснулся мужикъ рано: видитъ гостя нѣтъ, схватилъ онъ шапку, надѣлъ ее на голову,не замѣчая что грязь по немъ течетъ, да такъ и побѣжалъ по улицѣ, вора искать; только дурень не сказалъ ему настоящаго имя а назвалъ себя. «Какофьемъ.» Вотъ бѣжитъ мужикъ да кричитъ встрѣчнымъ: Не—видали-ли каковъ-я? — Да ты вѣсь въ грязи, отвѣчаютъ ему.—Я васъ спрашиваю, не видали ли каковъ—я? Да говорятъ тебѣ, весь въ грязи. Тогда только мужикъ дагодался, спохватился, что его надулъ дурень, да ужъ дѣлать-то было нечего.

—

Два мудреца.

Шли два старика дорогою, и пришли они ночевать къ одной бѣдной вдовѣ, оба эти старика были мудрецы. Вдова приняла ихъ, напоила, накормила, и спать положила, а и было у той вдовы всего богатства одна корова съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Переночевали старики, встали рано утромъ и пошли въ дорогу. Вдругъ попадается имъ на встрѣчу волкъ голодный и говоритъ имъ человѣчьимъ голосомъ. «Больно мнѣ ѣсть хочется». Вотъ одинъ старикъ и говоритъ волку:—Поди ты въ стадо и найдешъ и увидишъ тамъ корову, съ бѣлымъ пятномъ на лбу, возьми сьѣшъ ее. Волкъ побѣжалъ въ стадо.—Зачѣмъ же ты, говоритъ другой старичекъ первому, велѣлъ сьѣсть у бѣдной вдовы корову, вѣдь она насъ такъ приняла ласково? Увидишъ, пойдемъ дальше, говоритъ старичекъ, и они пошли дальше; шли, шли они и къ ночи подошли къ дому богача, близь котораго ва-

лялся кѣмъ-то потѣрянный боченокъ золота. Первый старикъ взялъ боченокъ и вкатилъ его на дворъ богатаго; тогда второй старичекъ и спрашиваетъ:—Скажи мнѣ, за что ты дѣлаешъ этому богачу добро, или онъ стоитъ этаго?—А вотъ увидишъ, отвѣчаетъ первый и началъ стучать въ окно богача и проситься ночевать. Услыша его богачь, приказалъ своимъ служителямъ прогнать отъ дома просившихся стариковъ. Тогда первый старичекъ и говоритъ второму:—Вотъ видишли какъ этотъ богачъ не милостивъ, но пойдемъ дальше. Шли, шли они и приходятъ къ одному богатому человѣку, попросились ночевать и когда ихъ впустили, посадили за столъ ужинать, тогда первый старикъ схватилъ серебрянное блюдо и бросилъ его въ морѣ: гостепріимный богачь ничего не сказалъ а на другое утро отпустилъ ихъ съ честію. На дорогѣ встрѣтилась имъ пустая старая лачуга, они ночевали въ ней, а на другой день старикъ разломалъ ее и пошелъ съ своимъ спутникомъ дальше.—Скажи мнѣ, спросилъ спутникъ своего товарища, за что ты велѣлъ волку заѣсть корову?—Затѣмъ, отвѣчалъ старикъ, что корова эта у ней давно похищина у другихъ. — Ну а за что богачу прикатилъ боченокъ золота? — Затѣмъ, что отецъ его сдѣлалъ мнѣ много добра.

—Ну а за что ты бросилъ блюдо въ морѣ? Потому что оно не добромъ у его на жито.—Зачѣмъ разломалъ лачугу? За тѣмъ, что въ ней жили разбойники и зарывали тутъ свои деньги.

—

Золотое стремя.

Жилъ одинъ мужикъ, бѣдно пребѣдно; и попросился въ одну ночь къ нему на ночлегъ одинъ воинъ; принялъ его мужикъ, напоилъ, накормилъ и коня его убралъ. Дивился мужикъ и богатой одѣждѣ воина, и его богатому коню—отлично убранному. Рано утромъ сталъ воинъ собираться въ дорогу, да и разговорился съ мужикомъ, сталъ спрашивать, какъ онъ живетъ. — Плохо живу, говоритъ мужикъ, просто съ голода умираю, научи меня добрый человѣкъ какъ–бы мнѣ поправиться? «Изволь, отвѣчаетъ воинъ, я тебя научу, только не теперь, объ этомъ надо подумать: назадъ поѣду такъ научу.—Да заѣдешь-ли ты комнѣ? Заѣду.—Забудешь пожалуй, а вотъ для памяти, оставь мнѣ золотое стремя, назадъ поѣдешь возмешь. Воинъ согласился и простился съ мужикомъ. Чрезъ нѣсколько времени пришлось опять ему ѣхать мимо дома этаго мужика, тутъ онъ и вспомнилъ, что его просилъ мужикъ, а было некогда; постой, думаетъ онъ, какъ нибудь

надую мужика; приходитъ къ ему: «Здравствуй! говоритъ. «Здравствуй батюшка, отвѣчаетъ мужикъ, ну что батюшка надумалъ-ли какъ мнѣ разжиться?—Надумалъ, вотъ тебѣ мой совѣтъ, что возмешь чужое, говори что не бралъ, а шибко приставать будутъ, то побожись, ничего, тогда и разбогатѣешъ.—«Только и нужно?—Да.—«Ну, спасибо отецъ мой, спасибо.—Такъ давайже мое стремя. «Какое? — А которое я тебѣ оставилъ на память.—Я не бралъ.—Какъ не бралъ?—Не бралъ—ей Богу не бралъ. Такъ мужикъ и забожилъ стремя.

—

Что человѣкъ захочетъ то и сдѣлаетъ.

Жилъ былъ старичекъ уединенно въ своей избушечькѣ, сидѣлъ онъ въ одно время и думалъ думу; думаетъ онъ: «говорится—же, что человѣкъ чего низахотѣлъ-бы, все ему будетъ, все онъ достать можетъ; нѣтъ, неправда это, вздумалъ-бы я взять себѣ въ замужество дочь княжескую, этаго быть не можетъ, потому, что я и ни чего не значу да и старъ,... а испытать нужно.» Вотъ и приходитъ онъ къ князю и говоритъ ему: —«Отдай ты мнѣ князь свою дочь въ замужество — —Изволь, говоритъ князь смѣясь, достань ты мнѣ только самоцвѣтный камень, тогда я отдамъ тебѣ дочь мою. Поклонился старикъ князю, да и пошелъ домой, говоря самъ про себя: Вотъ и выходитъ, что быть не можетъ того, что-бы я захотѣлъ; гдѣ я токой камень возьму, его кажись и во сто лѣтъ не отыщешь; такъ онъ разсуждалъ, да разсуждалъ, да вдругъ и услыхалъ что кто то въ рукомойникѣ плещется, взглянулъ а тамъ и сидитъ чертенокъ. Старичекъ тотчасъ догадался

что дѣлать нужно было, онъ разомъ и закрестилъ чертенка въ рукомойникѣ, тотъ бился, бился какъ-бы вырваться, нѣтъ, не можетъ, и сталъ онъ просить старичка:—«Выпусти, говоритъ, сдѣлай милость.—Нѣтъ не выпушу, говоритъ старичекъ, а если хочешъ, чтобы я тебя выпустилъ, то обѣщай мнѣ достать самоцвѣтный камень. «Изволь достану только выпусти. Старикъ тотчасъ выпустилъ его; а чертенокъ и говоритъ:—«Садись на меня, полетимъ со мною.» Сѣлъ старикъ на чертенка, а тотъ и поднялся съ нимъ на воздухъ, да такъ быстро, что съ головы старика и шапка свалилась. —Постой, говоритъ старикъ чертенку, шапку я уронилъ, поднять надо.—Нѣтъ, говоритъ чертенокъ, ужъ мы десять тысячь верстъ отлетѣли и полетѣлъ дальше, летѣлъ летѣлъ онъ и спустился въ адъ. Старику же, у воротъ ада, велѣлъ себя подождать, а самъ въ адъ пошелъ. Приходитъ чертенокъ назадъ къ старику, отдаетъ ему камень да и говоритъ: «Украсть-то я камень укралъ, но не легко мнѣ было пронести его, поймали было, садись на меня, да полетимъ назадъ, я обѣщаніе свое исполнилъ. Старичекъ сѣлъ на чертенка и полетѣли къ хижинѣ старика, чертенокъ и говоритъ: «Пусти въ твою избушку меня, отдохнуть немного.—Изволь, говоритъ старичекъ, отдохни,

да покажи мнѣ, какъ ты такой большой могъ запрятаться въ маленькой рукомойникъ? А вотъ какъ отвѣчаетъ чертенокъ; тутъ онъ превратился въ маленькаго, съ муху ростомъ, да и залѣзъ въ рукомойникъ, а старичекъ въ это время подбѣжалъ да и закрестилъ его, чертенокъ такъ и остался сидѣть въ рукомойникѣ; а старикъ хотя за камень и получилъ согласіе княжеское, но отказался.—Я, сказалъ онъ Князю, только хотѣлъ узнать, можетъ ли человѣкъ получить то что онъ захочетъ.

—

О бобылѣ.

Жилъ одинъ бобыль, и пошелъ разъ этотъ бобыль въ лѣсъ, дрова рубить; подходитъ онъ къ одной липѣ,—да только замахнулся топоромъ, а липа и заговорила человѣческимъ голосомъ:—«Не руби меня добрый человѣкъ, я тебѣ пригожусь. Бобыль не сталъ ее трогать и спрашиваетъ:—Какъ-же ты мнѣ пригодишся?—Да проси у меня чего хочешъ я всѣ дамъ тебѣ.—Хорошо, говоритъ бобыль, дай ты мнѣ новую избу.—Ступай, говоритъ липа, у тебя есть новая изба, а что тебѣ понадобится опять, приходи ко мнѣ. Поклонился бобыль липѣ и пошелъ домой, приходитъ-видитъ точно вмѣсто его старой избы, стоитъ новая, хорошая и большая изба. Бобыль просто глазамъ своимъ не повѣрилъ, потомъ вошелъ онъ въ избу: всего тамъ было въ доволь. Пожилъ бобыль съ недѣльку, наскучила ему эта жизнь, захотѣлъ онъ получше и приходитъ опять къ липѣ.—Здравствуй, говоритъ онъ, матушка липа, пришелъ я къ тебѣ просить у тебя богатства. Липа дала ему богат-

ство, потомъ бобыль попросилъ липу, чтобы она его знатнымъ сдѣлала, — липа сдѣлала. Бобыль и сталъ ходить къ ней, да просить, то того, то другаго; наконецъ онъ надоѣлъ ей, да и пришелъ онъ разъ къ ней просить себѣ царства. Тогда липа и преобратила его въ медвѣдя, потому у медвѣдя лапы и походятъ на человѣчьи руки.

—

Работникъ—Мельникъ.

Жилъ-былъ въ деревнѣ мѣльникъ, и былъ у этаго мѣльника работникъ расторопный, робо-тящій смѣтливый парень. Въ одно время въ эту деревню случилось пріѣхать князю, и заѣхалъ этотъ князь въ домъ мѣльника, потому что домъ его лучше всѣхъ былъ. Испугался мѣльникъ такой милости, и проситъ работника, быть предъ кня-земъ вмѣсто его, и отвѣчать за него на вопросы. Когда-работникъ, вмѣсто своего хозяина, явился предъ княземъ, то тотъ сталъ его спрашивать: Скажи мнѣ, много-ли песчиникъ на днѣ моря?— Столько, отвѣчаетъ работникъ, сколько на небѣ звѣздъ.—А много ли звѣздъ на небѣ?—Да пять ми-ліоновъ звѣздъ.—Врешъ, говоритъ князь, не мо-жетъ быть.—Невѣришъ, говоритъ работникъ, такъ пойди самъ сосчитай князь.—Теперь скажи ты мнѣ что я думаю?—Ты князь думаешъ что я мѣльникъ, нѣтъ не мѣльникъ,—а его работникъ. За такіе отвѣты князь наградилъ работника и поѣхалъ далѣе.

—

Голубой жерновъ.

Жилъ старикъ со старухою, жили они очень бѣдно. Въ одно время старикъ пошелъ въ лѣсъ, дрова рубить и нашелъ *голубой жерновъ*, да *пѣтушка съ золотымъ гребешкомъ;* принесъ все это старикъ домой, давай пѣтушка кормить, а жерновомъ молоть, и такой этотъ былъ жерновъ, что самъ муку мололъ и изъ четверти—десять дѣлалъ. Въ одно время къ этому старику попросился ночевать баринъ; увидѣлъ онъ у старика такой дорогой жерновъ да и говоритъ старику:—Продай мнѣ свой голубой жерновъ.—Нѣтъ, говоритъ старикъ, не продамъ, себѣ нуженъ.—«Ладно, думаетъ проѣзжій баринъ, не продашь, такъ я его украду у тебя. Вотъ ночью когда всѣ спали, онъ всталъ тихонько съ постели, взялъ жерновъ, да и долой со двора. Проснулись старикъ со старухою, схватились—нѣтъ ни жернова, ни проѣзжаго, тутъ они и завыли.—Не плачте, говоритъ имъ пѣтушокъ,

человѣчьимъ голосомъ, я достану вамъ вашъ жерновъ. Вотъ пѣтушекъ запѣлъ и полетѣлъ жерновъ выручать; прилетѣлъ онъ на кровлю дома того барина, который жерновъ укралъ, да и давай кричать: *баринъ, баринъ, отдай нашъ жерновъ!* Баринъ слушалъ, слушалъ, даже ему надоѣло, онъ и приказалъ этаго пѣтуха поймать. Поймали пѣтуха принесли къ барину, а тотъ взялъ его ощипалъ, да и бросилъ въ прудъ. Пѣтухъ давай пить воду, да приговаривать: «*пьй воду, пьй воду,*» да всю воду въ прудѣ и выпилъ, потомъ взлетѣлъ на кровлю и давай опять кричать: «*баринъ, баринъ, отдай нашъ жерновъ!*» Тогда баринъ приказалъ поймать пѣтуха и бросить его въ печку. Поймали пѣтуха, разожгли дрова въ печькѣ и бросили пѣтуха туда. Пѣтушекъ сталъ заливать печь водою, приговаривая: «*лей воду, лей воду,*» и залилъ огонь, потомъ пѣтушекъ влетѣлъ на кровлю и давай кричать: «*баринъ, баринъ, отдай нашъ жерновъ!*» Баринъ приказалъ поймать пѣтушка и велелъ его поджарить, да потомъ и сьѣлъ. Но пѣтушекъ не унялся:—высунулъ онъ изъ барскаго рта свою голову, да и давай кричать: «*баринъ, баринъ, подай нашъ жерновъ!*» тогда баринъ разсѣрдился, схватилъ саблю, хотѣлъ ею пѣтуху голову отсѣчь, да и ударилъ себя по лицу саблею,

и перерубилъ себѣ лице; тогда пѣтушекъ вылетѣлъ изъ барина; схватилъ свой жерновъ и прилетѣлъ къ старику со старухою.

Солдатъ и смерть.

Отслужилъ солдатъ царю, двадцать пять лѣтъ, вѣрою и правдою, и идетъ домой въ свою деревню: денегъ у него было три алтына. Одинъ алтынъ положилъ солдатъ на хлѣбъ, другой на вино, а третій на табакъ. Идетъ онъ пѣсенки попѣваетъ, да трубочку покуриваетъ; вдругъ встрѣчается съ нимъ на дорогѣ старичекъ, нищій, и проситъ солдата: «Подай Христа ради,» солдатъ подумалъ, подумалъ, и говоритъ самъ себѣ: «отдамъ старику алтынъ, останусь самъ безъ хлѣба.» Отдалъ онъ алтынъ старику, и пошелъ дальше; идетъ онъ пѣсенки попѣваетъ, да трубочку покуриваетъ. Вдругъ, попадается ему на дорогѣ другой старичекъ, и говоритъ солдату: «Подай Христа ради,» подумалъ, подумалъ солдатъ, да и сказалъ самъ себѣ:—«отдамъ старичку алтынъ, пусть останусь безъ вина.» Отдалъ онъ старичку алтынъ и пошелъ далѣе; идетъ пѣсенки попѣваетъ, да трубочку покуриваетъ; вдругъ ему на встрѣ-

чу идетъ третій старичекъ, и проситъ солдата: «Подай ради Христа,» подумалъ, подумалъ солдатъ, да и говоритъ самъ себѣ:—«дай отдамъ старичку послѣдній алтынъ», и пошелъ далѣе; идетъ трубочку покуриваетъ, да пѣсенки попѣваетъ. Вдругъ встрѣчается ему смерть. «Здравствуй, говоритъ, служба, куда идешъ? — Иду домой побывать, отслужилъ царю службу, такъ отдохнуть хочу. «Да служба, нуженъ тебѣ покой, хочешъ, пойдемъ со мною, я тебѣ хорошее мѣсто дамъ? — Пойдемъ пожалуй, я не прочь, отвѣчаетъ солдатъ, и пошелъ со смертью. Шли, шли они и пришли они въ такой садъ, въ которомъ растутъ разные растенія, и цвѣты, и фрукты, и разныя деревья, тутъ смерть и оставила жить солдата, а сама пошла шататься по свѣту. Гулялъ, гулялъ солдатъ по саду, скучно ему стало, ни выпить вина нельзя, ни табаку нѣтъ, раздосадовалъ онъ, да и пошелъ вонъ. Идетъ онъ дорогою, да поетъ пѣсни, вдругъ встрѣчается ему смерть. «Зачѣмъ-же ты, служба, спрашиваетъ смерть, изъ сада ушелъ?» — Да что тамъ мнѣ, одному дѣлать, нѣтъ тамъ ни выпивки, ни табачку, просто скука смертная. «Ну, не горюй объ этомъ, пойдемъ со мною, дамъ я тебѣ, и вина, и табаку. Повѣла его смерть, и привѣла въ адъ,

тамъ черти встрѣтили солдата: скачутъ, пляшутъ, и на бубнахъ играютъ, попросилъ солдатъ табачку, ему тотчасъ цѣлую трубку набили табакомъ, попросилъ солдатъ выпить водочки, ему тотчасъ цѣлый ковшъ притащили, выпилъ солдатъ вино, и еще попросилъ, ему еще подали, а какъ онъ выпилъ этотъ-то ковшъ, такъ и давай буянить: набралъ палокъ, поставилъ чертей въ строй, роздалъ имъ палки, и давай ихъ военному артикулу учить, который чертенокъ не поворотливъ, худо артикулъ выкидываетъ, того сейчасъ по зубамъ, по шее, по мордѣ, и переколотилъ онъ такъ почти что всѣхъ чертей. Это имъ обидно показалось, не рады стали они такому гостю; и стали придумывать, какъ-бы имъ отъ солдата избавиться, стали просить его, чтобы ушелъ вонъ,—не идетъ, гонютъ—по зубамъ дерется, думали, думали и придумали: послать одного чертенка изъ ада, да и велѣть въ барабанъ тревогу забить. Вотъ чертенокъ выбѣжалъ изъ ада, и давай тревогу бить; солдатъ знаетъ военную службу, услыхалъ барабанный бой, и выбѣжалъ на бой барабана, а черти этого и ждали, какъ ушелъ солдатъ, они тотчасъ ворота и заперли; нельзя войти солдату. Ходилъ, ходилъ онъ во кругъ ада, видитъ что въ него попасть нельзя, плюнулъ, да

и пошелъ дальше. Вдругъ встрѣчается ему смерть. «Ну, что служба, спрашиваетъ она, ты и тутъ не ужился? — Да я бы сталъ жить пожалуй, да меня выжили хитростію. «Кудажъ ты теперь пойдешъ служба?—Да куда глаза глядятъ, куда ноги понесутъ. «Пойдемъ со мною? — Пойдемъ, говоритъ солдатъ. И пошелъ онъ вмѣстѣ со смертію. Шли, шли они дорогой, да и разговорились, спрашиваетъ солдатъ смерть: «Куда ты идешъ?— Иду я, говоритъ смерть, морить старыхъ людей. «Эхъ, думаетъ солдатъ, самъ себѣ, заморитъ она у меня, отца старика, да постой, я ее надую. «Послушай меня, говоритъ солдатъ смерти, чѣмъ намъ двоимъ идти, оба мы устанемъ, такъ давай положимъ такъ, нести другъ друга по очереди. — Давай пожалуй, да какой же мы уговоръ положимъ? «А вотъ какой: я повѣзу тебя впередъ, ты сиди на мнѣ, да и пой пѣсню, а какъ пѣсня кончится, тогда я поѣду на тебѣ до конца моей пѣсни. — Хорошо, ну вези меня; смерть засѣла на солдата, и запѣла самую длинную пѣсню. Пѣла, пѣла, наконецъ перестала, тогда солдатъ сѣлъ на нее, и запѣлъ: тра-ла-ла, тра-та-та, смерть везетъ, а солдатъ поетъ. «Да скороли конецъ-то? спрашиваетъ смерть. — Нѣтъ еще, отвѣчаетъ солдатъ, это только начало. Смерть опять везетъ,

а солдатъ поетъ. «Да скороли конецъ? — Нѣтъ еще, и половины нѣтъ; смерть везла, везла, умучилась и упала; тогда солдатъ связалъ ей руки и ноги кушакомъ, и повѣсилъ ее на дерево, а самъ пошелъ дальше, думая самъ про себя: пусть она повиситъ, а отецъ мой поживетъ. Идетъ, да такъ и размышляетъ, только вдругъ пырь ему на встрѣчу смерть, откуда взялась неизвѣстно. «А! закричала она солдату, такъ ты вотъ какъ поступилъ со мною, постой, я теперь съ тобою раздѣлаюсь, вотъ тебѣ гробъ ложись въ него, я тебѣ жизнь прикончу. Дѣлать нечего было солдату, приготовился умирать, и легъ, только поперегъ гроба. «Не такъ ложишся, говоритъ ему смерть. Солдатъ легъ другимъ бокомъ. «Не такъ, говоритъ опятъ смерть, пусти меня, я покажу тебѣ, какъ надобно ложиться, солдатъ вылезъ изъ гроба, а смерть легла въ него и руки крестомъ сложила, солдатъ только и ждалъ этого, схватилъ крышку отъ гроба, покрылъ ею гробъ, заколотилъ желѣзными обручами, и да бросилъ гробъ въ море, а самъ пошелъ дальше. Идетъ онъ, вдругъ пырь ему въ глаза смерть. «Теперь то ты отъ меня не уйдешъ! — Нѣтъ, говоритъ солдатъ, уйду. «А не уйдешъ! — Полно уйду, я по хитрѣе тебя, я хоть въ какую щелку пролезу. «Я сама пролѣзть могу.

— Гдѣ тебѣ, говоритъ солдатъ, тебѣ въ мой рожокъ не влезть, а я влезу хоть въ самый маленькій. «Нѣтъ влезу. — Нѣтъ не влезть, не хвастай. «А вотъ смотри: и смерть превратилась въ маленькую—премаленькую, и влезла въ рожокъ, а солдатъ закупорилъ рожокъ, и положилъ въ карманъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Тарарушка . . . . . 5.

Комары пѣвчіе . . . . . 12.

Дурень . . . . . 13.

Два мудреца. . . . . 15.

Золотое стремя. . . . . 18.

Что человѣкъ захочетъ, то и сдѣлаетъ. 20.

О бобылѣ . . . . . 23.

Работникъ-Мельникъ . . . . . 25.

Голубой жерновъ . . . . . 26.

Солдатъ и смерть . . . . . 28.

W44

LB O 14

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS